

176
А 857

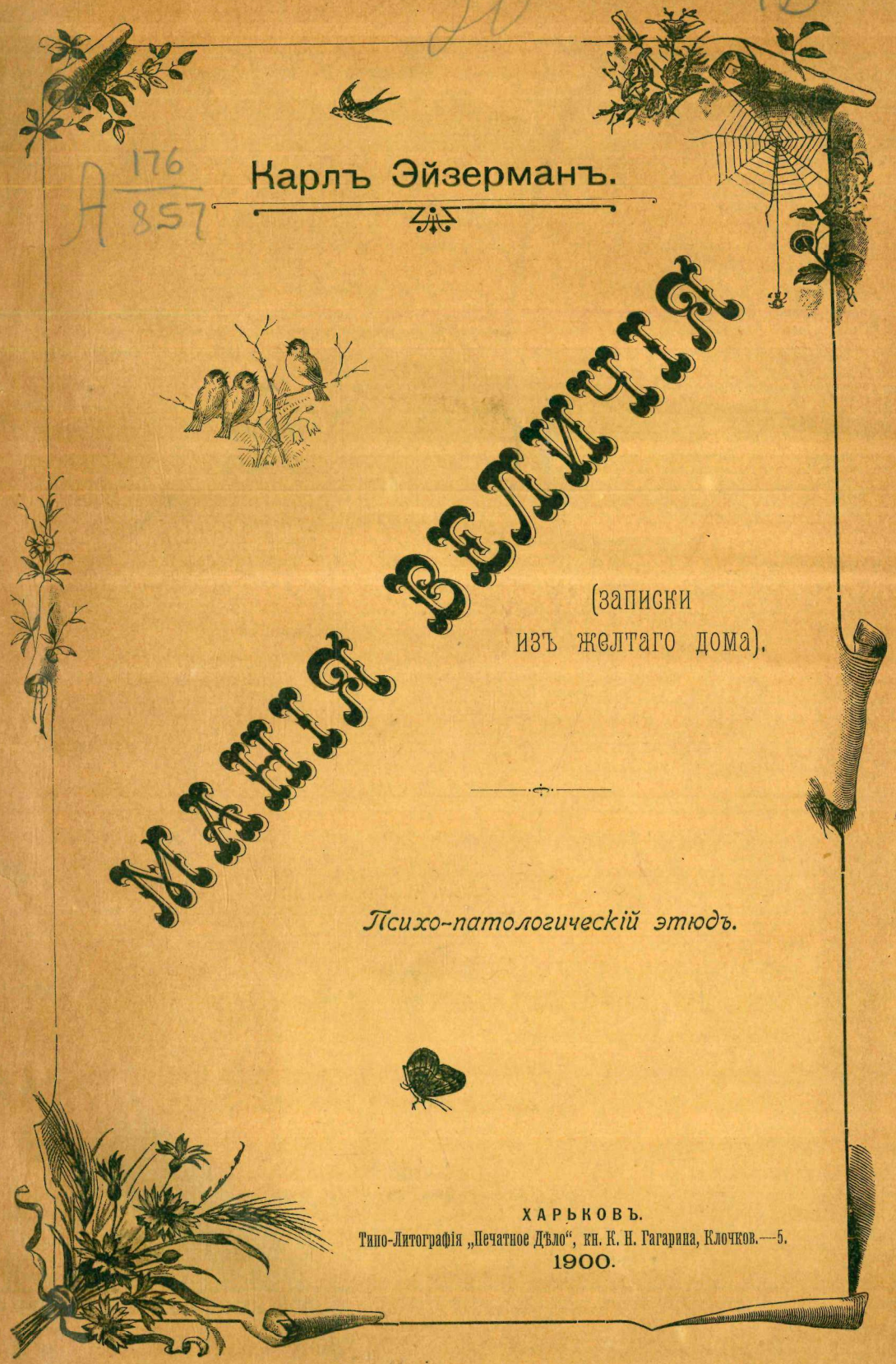
Карль Эйзерманъ.

Мать Величя

(записки
изъ желтаго дома).

Психо-патологическій этюдъ.

ХАРЬКОВЪ.
Типо-Литографія „Печатное Дѣло“, кн. К. Н. Гагарина, Клочков. — 5.
1900.

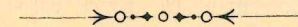
А $\frac{176}{857}$

Карль Эйзерманъ.

МАНІЯ ВЕЛИЧІЯ

(записки изъ желтаго дома).

Психо-патологическій этюдъ.

ХАРЬКОВЪ.

Типо-Литографія „Печатное Дѣло“ кн. К. Н. Гагарина, Ключовская ул., № 5.
1900.

Харьковская губерния

МАНИЯ ВЕЛИЧІЯ

Дозволено цензурою. Г. Харьковъ, 3-го Декабря 1899 года.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

68114-55

МАНИЯ ВЕЛИЧІЯ.

(Записки изъ желтаго дома).

Психо-патологическій этюдъ.

Въ одинъ прекрасный іюньскій день я неожиданно получилъ весьма неприятное извѣстіе: меня увѣдомляли о смерти моего родственника, еще очень молодого человѣка, который окончилъ жизнь самоубійствомъ; кромѣ письма, принесшаго мнѣ много горя, препровождалась еще довольно толстая тетрадка, принадлежавшая самоубійцѣ, — нѣчто въ родѣ дневника, единственный документъ, который, какъ мнѣ казалось, могъ хотя отчасти объяснить причину этой катастрофы. Надежды мои на этотъ счетъ скоро дѣйствительно оправдались, такъ какъ, перелиставъ нѣсколько страницъ, я, наконецъ, нашелъ слѣдующія замѣтки, повидимому, касавшіяся интересующаго меня предмета.

188... февраля 14. Въ послѣднее время я часто испытываю большой подъемъ духа: въ эти, къ сожалѣнію, короткія мгновенія какъ бы отрѣшаешься отъ всего узко-житейскаго и уносишься куда-то въ неопредѣленную, но заманчивую даль... Это весьма пріятное состояніе души становится опаснымъ, если часто повторяется: когда оно проходитъ и надо вновь возвращаться къ сѣренькой, будничной дѣйствительности и приниматься за старую скучную работу, чувствуешь себя изъ рукъ вонъ скверно... Вѣроятно, тоже испытываетъ голодный, когда ему удастся невзначай вкусно и сытно поѣсть, а потомъ

черезъ извѣстное время снова испытать муки голода. Хотя возвышенное состояніе души, которое я по временамъ испытываю, и хорошій обѣдъ, который я тоже довольно часто ѣмъ, и не могутъ быть сравниваемы, какъ совершенно разнородные предметы, но я нарочно провожу эту параллель, чтобы нагляднѣе показать, какъ я страдалъ, когда проходили эти свѣтлыя мгновенія. Это—своего рода республиканцы, красные, потому что, уходя, они уничтожаютъ въ душѣ и ту частицу довольства, которая составляетъ ея неотъемлемую и, можетъ быть, худшую часть; послѣ нихъ чувствуется во всемъ разладъ: дѣло кажется не дѣломъ—полнѣйшая неудовлетворенность; кажется, что надо дѣлать что-то другое, а что и какъ,—остается неразъясненнымъ. Я думаю, что такое состояніе души присуще только маленькимъ людямъ или тѣмъ, про которыхъ учитель русскаго языка въ гимназій, гдѣ я воспитывался, говорилъ: «и вышла наша Матрена ни пава, ни ворона». Великіе люди: ученые, писатели, артисты, композиторы, художники, словомъ, всѣ, которыхъ такъ или иначе коснулось крыло генія, не испытываютъ этого чувства разочарованія: у нихъ подъемъ духа долженъ быть непрерывный и они этого даже сами не замѣчаютъ, а потому и лица ихъ свѣтлыя, а глаза ликующіе.

20 февраля. Я начинаю замѣчать, что республиканцы появляются все чаще и чаще... И что удивительно: мое постоянное мрачное настроеніе совершенно измѣняется—я начинаю перерождаться. Сейчасъ въ душѣ моей такой безпорядокъ, какъ на покинутомъ полѣ сраженія... Мое прежнее «я»—тоскующее, неудовлетворенное уступаетъ мѣсто какому-то другому лучезарному, свѣтлому... послѣднее несравненно сильнѣе моего прежняго «я», повергнутаго въ прахъ... это новое «я» сильно, свободно, могуче... оно только еще молодо; еще не совсѣмъ окрѣпло и не знаетъ, на что рѣшиться... но моментъ рѣшимости скоро наступитъ.—Это вѣрно: я это чувствую.

22 февраля. Новое «я» начинаетъ дѣйствовать... Какъ?... Я сейчасъ расскажу; сообщу только мимоходомъ, что я съ

нимъ совершенно слился: о старомъ «я»—нѣтъ и помина. Какъ мнѣ хорошо, весело, радостно на душѣ. Голова моя свѣтла, умъ ясенъ... Все такъ заманчиво прекрасно. Ахъ,—какъ хорошо жить! Я положительно не понимаю, почему это я раньше прозябалъ: какъ могъ я довольствоваться такимъ ничтожнымъ содержаніемъ и такимъ скромнымъ общественнымъ положеніемъ... Ну, ничего: мы теперь себя покажемъ... Я встрѣчаю въ корридорѣ своего принцепала и отказываюсь далѣе служить. Онъ удивленно на меня смотритъ.—«Что вы?... Почему?... Что же вы намѣрены дѣлать?»... спрашиваетъ онъ меня. «Я еще не рѣшилъ, но во всякомъ случаѣ я не желаю больше служить»... Насъ окружаютъ служащіе.—«Я бы вамъ совѣтовалъ подумать: вы, кажется, немного горячитесь... «Нѣтъ: это рѣшено»... стою я на своемъ. Товарищи жмутъ мнѣ руки: они меня одобряютъ... Я чувствую, что я значительно выше ихъ теперь; я страстно разъясняю имъ, что не слѣдуетъ зарывать даръ въ землю: надо стремиться къ лучшему... достигать его...—«Что же вы намѣрены дѣлать?»—спрашиваютъ меня.—«Вы, вѣроятно, получили хорошую должность?»...—«Нѣтъ, нѣтъ!»... съ презрѣніемъ въ голосѣ машу я рукой... «Я готовлюсь къ аттестату зрѣлости и затѣмъ поступаю въ университетъ».—«А жить теперь... чѣмъ-же вы будете теперь жить?»... Этотъ вопросъ я давно рѣшилъ, но они, вѣдь, меня не знаютъ: они думаютъ, что я такой-же, ни на что неспособный, кромѣ яремной работы, какъ и они.—«Я буду существовать, занимаясь литературнымъ трудомъ»... гордо отвѣчаю я... Общее недоумѣніе... Да и неудивительно: они ничего не понимаютъ. Я круто повернулся и ушелъ къ себѣ въ комнату. Вслѣдъ за мной вошелъ нашъ общій знакомый докторъ...—«Слышалъ,... слышалъ... говоритъ онъ... только, кажется мнѣ, вы рискуете, бросая живое дѣло; я вамъ не совѣтую, будущность и здѣсь есть: трудъ теперь цѣнится, а вы на хорошемъ счету».—«Пой, пой... пѣсни»... думаю я.—«Скажите, докторъ, вамъ, правда, странно, что я выходяю на большую дорогу безъ посторонней помощи?»... И

не дожидаясь отвѣта, прибавилъ: «это потому, что я силенъ... понимаете: во мнѣ есть сила»...—«Хорошо, хорошо, перебилъ меня докторъ, только вы для начала слишкомъ волнуетесь: этого не слѣдуетъ. Позвольте-ка вашъ пульсъ... о-го... знаете, я вамъ совѣтую успокоиться, а главное съѣшьте что нибудь... говорятъ, со вчерашняго дня—вы еще ничего не ѣли». Докторъ уходитъ, крѣпко, на прощаніе, пожимая мнѣ руку. Я залпомъ выпиваю почти полъ-графина воды.—Вотъ еще чудакъ: совѣтуетъ ѣсть... Нужно ѣсть, чтобы жить, а онъ, кажется, думаетъ наоборотъ. Завтра я переѣзжаю въ гостиницу. Въ кошелекъ моемъ около десяти рублей. Ну, это ничего: сегодня я пишу нѣсколько очерковъ, завтра несу въ редакцію, а затѣмъ у меня цѣлая куча денегъ. Сейчасъ-же принимаюсь за работу: однако, какъ хорошо работается, какъ легко рождаются мысли, какіе красивые образы носятся въ моемъ воображеніи. Я въ настроеніи писать афоризмы и небольшіе очерки... На листѣ ихъ помѣстилось нѣсколько. Вотъ содержаніе одного изъ нихъ,—озаглавленъ: «Изъ подслушанныхъ разговоровъ»... «Въ избранномъ дамскомъ обществѣ бесѣдуютъ о буддійской вѣрѣ въ переселеніе душъ; затѣмъ незамѣтно переходятъ къ поэзіи и поэтамъ. Говорятъ о поэзіи Надсона. Одна изъ собесѣдницъ замѣчаетъ, что, еслибы Надсонъ былъ буддистомъ, то послѣ смерти душа его не подчинилась бы общимъ законамъ переселенія душъ, а превратилась бы сразу въ розу, которая, вѣчно переживая періодъ цвѣтенія, никогда бы не завяла, роскошно благоухая въ садахъ Будды»... Я писалъ до трехъ часовъ ночи и писалъ бы еще дольше, но мною овладѣло такое странное состояніе, что я не успѣвалъ записывать на бумагу всѣхъ своихъ мыслей... Но достаточно и этого... думалъ я. Завтра утромъ иду въ редакцію... Я легъ спать: было четыре часа ночи...

23 февраля. Спалъ ли я?... Кажется, нѣтъ... Который часъ?... Восемь утра... о, значить, спалъ... Одѣваюсь и бѣгу въ редакцію, прихвативъ свою работу... И какъ это люди могутъ

такъ медленно ходить: идетъ, еле ногами передвигаетъ. Какъ будто ходить такъ тяжело... Я положительно не чувствую подъ собой ногъ... И какъ пріятно. Какое-то особенное состояніе души: какъ будто тамъ гдѣ-то на днѣ ея расцвѣли душистые цвѣты, и ароматъ ихъ наполняетъ все мое существо... Однако, мнѣ еще далеко: надо пройти гору Св. Владиміра... Здѣсь масса народу, и всѣ ходятъ по дорожкамъ; мнѣ это противно: все это рутина; я взбираюсь на самыя верхушки горъ, что окружаютъ памятникъ, и не перестаю удивляться англичанамъ.—Вотъ, думаю я, умный народъ: и велосипеды дѣлаютъ, и на горы взбираются, и все это у нихъ просто, естественно, а вздумай у насъ кто нибудь влѣзть вонъ на тотъ крутой пикъ, пожалуй, еще смѣяться начнутъ, а то, чего добраго, и въ полицію посадятъ. И захотѣлось мнѣ въ этотъ моментъ доказать всей этой чопорной гуляющей толпѣ, какъ она невѣжественна въ своихъ понятіяхъ; какъ ей далеко до простого разумнаго отношенія къ дѣйствительности...—и я приложилъ всѣ усилія, чтобы взобраться на верхушку почти отвѣсной горы. Долго я карабкался на зло всѣмъ, кто смотрѣлъ на меня въ эту минуту, и, наконецъ, усѣлся на вершинѣ горы. Когда я съ злорадствомъ посмотрѣлъ внизъ, то замѣтилъ, что нѣсколько десятковъ паръ глазъ съ удивленіемъ меня разсматриваютъ, а три полицейскихъ солдата какъ-то сконфуженно вертятся среди публики, не зная, вѣроятно, какія употребить мѣры, чтобы заставить меня слѣзть... А, такъ вамъ странно... а, можетъ быть, и страшно: я быстро всталъ и стрѣлою спустился внизъ... Всеобщій крикъ изумленія вырвался изъ десятковъ грудей, а я, какъ ни въ чемъ не бывало, презрительно смѣривъ толпу, быстро направился къ Крещатику, вспомнивъ, что мнѣ необходимо отдать рукопись. Черезъ четверть часа я позвонилъ у двери редакціи «Кіевского Слова». Дверь открылась. Я вхожу въ переднюю, а затѣмъ въ большую просторную комнату, гдѣ за письменнымъ столомъ сидитъ какой-то молодой человекъ.—«Что вамъ угодно?»—спрашиваетъ онъ

меня. Я предлагаю свою работу... «Потрудитесь зайти через десять дней»... Через десять?... Лицо мое выражает неподдельное изумление... «Помилуйте: вѣдь для того, чтобы посмотреть эту рукопись, надо не больше полчаса времени». — «Какъ вамъ угодно: мы иначе не можемъ—у насъ слишкомъ много матеріала». Я оставляю рукопись и ухожу... Такъ значить черезъ десять дней... Да не все-ли равно?... вѣдь это врвмя очень скоро пройдетъ, а я пока еще что нибудь предприму... По дорогѣ домой мнѣ попала афиша, извѣщавшая, что въ драматическомъ театрѣ извѣстная драматическая актриса играетъ главную роль въ драмѣ: «Медея»... Медея... отлично... отлично—думалъ я. Надо посмотреть. По дорогѣ захожу въ театръ и беру себѣ билетъ въ третьемъ ряду партера. Въ это-же время у меня является сильнѣйшее желаніе поднести знаменитой артисткѣ букетъ цвѣтовъ изъ розъ, лилій и ландышей... Я зашелъ къ цвѣточнику и заказалъ въ такомъ родѣ букетъ. Я едва дождался вечера. Въ семь часовъ мнѣ принесли букетъ: онъ небольшой, но вышелъ на славу. Ёду въ театръ. Первое дѣйствіе уже началось. Когда я проходилъ къ своему креслу, нѣсколько биноклей направилось въ мою сторону. Послѣ одного удачнаго монолога, когда театръ огласился всеобщимъ «браво», я попросилъ какого-то денди, сидѣвшаго въ первомъ ряду, передать букетъ артисткѣ. Франтъ передалъ букетъ капельмейстеру, а тотъ по назначенію. Я былъ въ восторгѣ: мой букетъ находился въ чудныхъ ручкахъ артистки, и въ мою сторону былъ брошенъ, какъ мнѣ показалось, милый взглядъ. Я просто замиралъ отъ блаженства. Теперь я только ждалъ конца: мнѣ хотѣлось устроить артисткѣ овацію. Но вотъ раздался громъ рукоплесканій, и занавѣсъ опустился въ послѣдній разъ. Я, нѣсколько человѣкъ студентовъ и какихъ то пискливыхъ барышень бросаема къ барьеру, отдѣляющему публику отъ сцены, и начинаемъ кричать такое оглушительное «браво», которое едва ли когда либо вылетитъ еще разъ изъ груди увлеченнаго зрителя. Артистка выходитъ и кланяется намъ.

«Браво», «браво»... И...а—кричу я и бросаю ей подъ ноги свою шляпу, а вслѣдъ за ней летитъ еще нѣсколько студенческихъ фуражекъ. На сценѣ артистка и еще нѣсколько человѣкъ. Моя шляпа вылетаетъ обратно, я подхватываю ее и снова швыряю на сцену. Артистка раскланивается и исчезаетъ; опять взрывъ страшнаго вопля и неистовый топотъ ногъ—цѣлый Содомъ; изъ публики остаются всего нѣсколько человѣкъ; въ большой люстрѣ тушатъ газъ; къ намъ, наконецъ, подходитъ дежурный полицейскій чиновникъ и приглашаетъ разойтись; но это приглашеніе имѣетъ совсѣмъ обратное дѣйствіе: мы просто отъ крика начинаемъ хрипѣть; артистка, вѣроятно, изъ жалости къ намъ выходитъ еще разъ, мило очень кланяется и посылаетъ общій воздушный поцѣлуй; «браво, браво, браво»,—едва хрипимъ мы и наконецъ расходимся довольные собою. Освѣжившись немного на воздухѣ, я быстро направился домой съ какимъ то хаотическимъ сумбуромъ въ головѣ...

Правильное веденіе моего дневника нарушилось: около полугода прошло съ тѣхъ поръ, какъ написана здѣсь послѣдняя строчка. За это время произошло столько событій, столько пережито впечатлѣній, что я долженъ буду, насколько помню, возстановить все въ такомъ порядкѣ, какъ шли эти событія, извиняясь передъ тѣми, кто будетъ читать этотъ дневникъ за то, что я во время не могъ всего записать. Я долженъ здѣсь нѣсколько оговориться: то душевное состояніе, которое я нѣсколько охарактеризовалъ на этихъ страницахъ, было ненормально: его отнесли къ одной изъ формъ душевнаго расстройства, и на другой день послѣ спектакля пріѣхалъ мой отецъ, вызванный телеграммой, и увезъ меня домой. Дома я пробылъ около мѣсяца, такъ какъ мои родные полагали, что при необходимости медицинской помощи дома и на свободѣ я скорѣе выздоровѣю, и не рѣшались везти меня въ специальную лечебницу для душевно-больныхъ. И такъ, первое время моего

пребыванія дома я пользовался полной свободой, не смотря на то, что моя болѣзнь достаточно опредѣлилась, такъ какъ я считалъ себя однимъ изъ великихъ и властныхъ людей, и, смотря по обстоятельствамъ, назывался то великимъ артистомъ, то писателемъ, то изобрѣтателемъ; болѣе-же всего по вкусу приходился мнѣ титулъ великаго князя, которымъ впоследствии я часто пользовался.

Однажды, находясь дома, я зашелъ въ лучший магазинъ и выбралъ себѣ изящные ботинки, очень красивую и не дешевую палку и перчатки; ботинки я надѣлъ тутъ же и велѣлъ мальчику изъ магазина слѣдовать за собой съ тѣмъ, чтобы уплатить ему деньги за все, сколько слѣдуетъ, дома. Отецъ мой, человѣкъ далеко несостоятельный, не могъ, конечно, платить за всѣ мои прихоти, а потому предложилъ мнѣ возвратить вещи обратно, а мальчику сказалъ, что я боленъ, и просилъ, чтобы мнѣ впередъ ничего не давали. Услышавъ все это, я разразился потокомъ самой неудержимой брани по отношенію къ отцу и всѣмъ окружающимъ и объявилъ, что ни за что не возвращу взятыхъ вещей: въ крайнемъ случаѣ, полагаясь на свое высокое происхожденіе, хотѣлъ обратиться въ мѣстное казначейство за деньгами. Послѣ такого заявленія меня при помощи нашего кучера и двухъ полицейскихъ солдатъ свалили, сняли сапоги и затѣмъ, усадивъ на извозчика, повезли въ полицію; по бокамъ у меня сидѣло по полицейскому солдату, а на подмогу имъ еще и нашъ кучеръ. Когда меня ввели въ полицейское управленіе и помощникъ исправника началъ писать постановленіе объ отправкѣ меня въ больницу, я сначала пытался мягко разъяснить ему всю несправедливость преслѣдующей меня судьбы, но, услышавъ на это какой то дерзкій отвѣтъ, сказалъ ему, что онъ очень глупъ и что въ скоромъ будущемъ будетъ повѣшенъ. Изъ полиціи меня повезли въ больницу и сдали здѣсь на руки больничнымъ служителямъ. Когда я осмотрѣлся въ новомъ помѣщеніи и всѣ, желавшіе со мною говорить, наговорились досыта, мнѣ пред-

ложили снять мое платье и надѣть больничное, при чемъ пріѣхавшій докторъ объяснилъ мнѣ, что это дѣлается для того, чтобы осмотрѣть мой костюмъ, въ который враги мои могли положить какое нибудь взрывчатое вещество. Я согласился и надѣлъ больничное платье. Тогда меня какимъ то обманнымъ образомъ ввели въ специальную комнату для душевно-больныхъ и заперли; это меня страшно возмутило и я, не долго думая, принялся ломать желѣзную рѣшетку, которая довольно густо закрывала собою окно. Первые два довольно толстыхъ прута я сначала вырвалъ съ гвоздями, которыми они были прикрѣплены къ стѣнѣ, а затѣмъ, согнувши ихъ, просунулъ въ отверстие, образованное другой парой прутьевъ, и, разбивъ окно, выбросилъ во дворъ. Какъ разъ противъ окна находилась больничная аптека и тамъ я замѣтилъ нѣсколько изумленныхъ фізіономій: моего отца, доктора и нѣсколькихъ фельдшеровъ, которые смотрѣли на мою работу. Послѣ операціи съ прутьями я ослабѣлъ и не могъ уже вырвать второй пары, что было бы, пожалуй, достаточно для того, чтобы вылѣзть въ окно. Немного обождавъ, я рѣшилъ, что лучше и удобнѣе будетъ разобрать стѣну, а потому я принялся за эту египетскую для однихъ рукъ работу. Но благодаря воодушевленію и болѣзненной энергіи я менѣе чѣмъ въ три четверти часа разобралъ стѣну и повынималъ оттуда цѣлые куски кирпича, которые сложилъ возлѣ; я упустилъ изъ вида, что подъ кирпичемъ находятся толстыя бревна, которыя должны остановить мою работу. Ясно было, что одними руками тутъ ничего не подѣлаешь. О какъ я жалѣлъ тогда, что со мною не было топора! Озлившись на всѣхъ и все, я схватилъ большой кусокъ кирпича и хватилъ съ такой силой въ дверь, что штукатурка посыпалась съ потолка; затѣмъ я систематически началъ бомбардировать кирпичемъ дверь и поднялъ такую оглушительную канонаду, что ко мнѣ выслали парламентаромъ служителя, который черезъ дверь сталъ просить меня оставить свою работу и общалъ выпустить меня, если я перестану бросать кирпичъ.

Я согласился на это коварное предложеніе: дверь тотчасъ растворилась, и вбѣжавшіе четыре человѣка больничныхъ сторожей бросились ко мнѣ и послѣ недолгаго сопротивленія меня свалили и надѣли мнѣ специальную смирительную рубаху, длинныя рукава которой, вмѣстѣ съ моими руками, связали назади за спиной; затѣмъ я былъ положенъ на полъ и предоставленъ самому себѣ. Я стоналъ отъ бѣшенства и боли, потому что мнѣ холщевыми полосами, нарочно пришитыми къ рукавамъ рубахи, очень сильно подвязали руки у кисти. Пролежавъ съ полчаса и преодолевая сильную боль въ рукахъ, я осторожно началъ ворочать кистью руки, чтобы немного ослабить свои кандалы. Послѣ цѣлаго томительнаго часа неимоверныхъ усилій, мнѣ удалось постепенно ослабить петлю и вытащить изъ-за спины свою руку; тогда я расправилъ опухшіе пальцы и, просунувъ руку на грудь, захватилъ воротъ и положительно разорвалъ рубаху надвое. Съ остальною работою мнѣ было уже легче справиться, и я въ какихъ нибудь пять минутъ освободился отъ мучившей меня рубахи. Къ несчастію, мои дѣйствія замѣчены были однимъ изъ служителей черезъ окно, и не успѣлъ я еще какъ слѣдуетъ оправиться, какъ въ мою комнату опять вошли служителя, которые принесли новую рубаху изъ грубаго холста, и, чтобы она была покрѣпче, ее смочили водой. Послѣ короткой борьбы меня опять свалили на полъ и надѣли эту новую рубаху; затѣмъ сторожа ушли. Руки они еще крѣпче связали мнѣ за спиною, такъ что я положительно не могъ двинуть пальцами; обѣ руки страшно болѣли и я, ослабѣвъ въ неравной борьбѣ, потерялъ сознаніе. Такъ, вѣроятно, прошло нѣсколько часовъ; къ вечеру, когда я очнулся, я чувствовалъ сильную боль въ рукахъ и во всемъ тѣлѣ; я началъ кричать: «Эй вы, скоты, войдите кто нибудь сюда!» Когда я повторилъ разъ двадцать это приглашеніе, ко мнѣ вошелъ дежурный фельдшеръ и спросилъ: «Что вамъ угодно?»— «Какъ, что мнѣ угодно?»—закричалъ я.— «Вы, скоты, связали мнѣ руки и бросили здѣсь какъ собаку; я отъ боли не могу

двинуть пальцами;—сейчасъ же меня развяжите, несчастныя созданья; развѣ вы не понимаете, что одного слова моего достаточно, чтобы стереть съ лица земли вашу глупую больницу?». Выслушавъ этотъ монологъ, приправленный въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще болѣе внушительными эпитетами, фельдшеръ повернулся и ушелъ, а минутъ черезъ десять ко мнѣ вошли два служителя и развязали руки. Пріѣхавшій навѣстить больныхъ докторъ велѣлъ меня совсѣмъ выпустить въ общую палату. Я тотчасъ же легъ, успокоенный общею тишиною, и очень скоро заснулъ; проснулся я только утромъ; мнѣ принесли чай, а послѣ чая предложили выйти въ садъ. Я притихъ окончательно и сталъ подумывать о побѣгѣ изъ больницы; это дѣло надо было вести очень хитро, такъ какъ замной слѣдили. Я зашелъ было въ конецъ сада, чтобы осмотрѣть мѣсто болѣе удобное для побѣга, но тутъ же, невзначай, увидѣлъ больничнаго служителя, который поспѣшилъ сдѣлать видъ, что не обращаетъ на меня никакого вниманія; это сдѣлало меня еще болѣе осторожнымъ, и я, поднявъ глаза къ небу, съ самымъ непринужденнымъ видомъ, повернулся и ушелъ. Ко мнѣ въ дружбу успѣлъ попасть фельдшеръ—молодой еврейчикъ, очень юркій; онъ расположилъ меня къ себѣ разнаго рода наговорами на своихъ сослуживцевъ, которые всѣ будто-бы шли противъ меня. Я ему надавалъ массу орденвъ и общалъ сдѣлать его своимъ придворнымъ докторомъ; какъ то, въ порывѣ откровенности, я предложилъ ему бѣжать вмѣстѣ со мною, но онъ возразилъ мнѣ, что не имѣетъ денечъ, которыя нужны на дорогу. Тогда я вручилъ ему коротенькую записку въ мѣстное казначейство, въ которой просилъ выдать подателю десять тысячъ. Фельдшеръ, подражая мнѣ, сдѣлалъ видъ, что очень тому радуется, и общалъ все исполнить. Такимъ образомъ, отдавъ свою тайну въ руки больничной администраціи, я совершенно лишился возможности бѣжать, такъ какъ замною удвоили надзоръ и меня повсюду сопровождалъ служитель; мой же союзникъ жидокъ-фельдшеръ подъ разными пред-

логами откладывалъ день и часъ нашего побѣга: то ему изъ казначейства не выдали денегъ, то онъ ихъ потерялъ, то докторъ его какъ разъ въ условленный часъ посылалъ куда-то за тридевятъ земель,—все это онъ сообщалъ мнѣ съ самымъ пенинымъ выраженіемъ на своей плутоватой физиономіи... Такъ прошло нѣсколько дней; меня часто навѣщалъ отецъ, но я не хотѣлъ его видѣть и очень сердился, когда онъ приходилъ, потому что считалъ его главнымъ виновникомъ своего заточенія. Какъ то разъ вечеромъ, раздраженный однимъ изъ служителей, я сталъ ругать всѣхъ и все, и вспомнивъ, что виною моихъ бѣдъ отецъ, я подозвалъ преданнаго мнѣ фельдшера и приказалъ ему немедленно отправиться къ мѣстному полковнику, которому написалъ короткую инструкцію въ такомъ родѣ: «по полученіи сего, не медля Г. (слѣдовала фамилія моего отца) вывести за городъ на поле и разстрѣлять церемониальнымъ образомъ». Жидокъ взялъ у меня записку и сдѣлалъ видъ, что уходитъ; черезъ полчаса по какому то случайному стеченію обстоятельствъ раздался неподалеку ружейный залпъ, который я съ нескрываемой радостью счелъ вѣстникомъ печальнаго конца моего отца; черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ подошелъ фельдшеръ и объявилъ, что все кончено. Съ тѣхъ поръ, какъ я уже не сомнѣвался, что власть моя сильна, я съ минуты на минуту ожидалъ своего освобожденія. Черезъ два или три дня докторъ спросилъ, не желаю ли я домой; я, конечно, изъявилъ согласіе, и какое же было изумленіе, когда вечеромъ пришелъ мой отецъ и, извиняясь передо мною за всѣ причиненныя неприятели, просилъ забыть все и отправиться домой; онъ говорилъ мнѣ «вы» и относился ко мнѣ вообще съ большимъ почтеніемъ. Нѣкоторое время дома я держалъ себя почти какъ человѣкъ нормальный: немного хитрилъ и, замѣтивъ, что уже однажды мои дѣйствія привели меня въ больницу, старался не обнаруживать своихъ побужденій, присматривался къ окружающимъ и, въ зависимости отъ ихъ отношеній ко мнѣ, опредѣлялъ друзей и недруговъ. Конечно, другомъ былъ

тотъ, кто больше мнѣ удивлялся и соглашался со мной. Противорѣчія я совершенно не переносилъ, въ особенности отъ родныхъ и, однажды позднимъ вечеромъ заспоривши о чемъ-то съ отцомъ, въ концѣ страшно разсердился и объявилъ домашнимъ, что я не медля ѣду въ Петербургъ, а потому отправляюсь сейчасъ на желѣзнодорожную станцію, до которой было 70 верстъ. Когда я очутился на улицѣ, то немедленно жерѣшили оправиться на станцію; я такъ былъ взволнованъ, что мною положительно овладѣли галлюцинаціи: мнѣ казалось, напримѣръ, что разстояніе семьдесятъ верстъ къ вокзалу я могу пройти въ полчаса; я бросился по дорогѣ и положительно летѣлъ; я не бѣжалъ, а шелъ, но движенія мои были такъ быстры, что меня, положительно, можно было припятъ за бѣгущаго. Нашъ знакомый, выѣхавшій десять минутъ спустя за мной, такъ и не настигъ меня, не смотря на то, что проѣхалъ по тому направленію, куда я пошелъ, больше семи верстъ; слѣдуетъ, однако, замѣтить, что ему мѣшала ночь. Въ двѣнадцати верстахъ по той дорогѣ, куда я шелъ, было имѣніе богатаго грузинскаго князя. Общій видъ барскаго дома и парка отчасти напоминали собою, въ особенности ночью, вокзалъ желѣзной дороги. Я въ горячности не замѣтилъ, что сошелъ съ дороги, и какъ разъ попалъ въ имѣніе. Огромный бѣлый домъ ярко выдѣлялся на темномъ фонѣ ночи.—Ахъ, наконецъ то я пришелъ на вокзалъ! Но, что-жъ такъ темно: вѣроятно, поѣзда не будутъ до утра, а потому потушили огни! Я рѣшилъ постучать въ парадную дверь и, какъ только кто нибудь явится на мой зовъ, приказать подать мнѣ не медля царскій поѣздъ. Я стучалъ немилосердно; отвѣта не было... это меня взбѣсило.—Дѣло въ томъ, что князь съ семействомъ выѣзжалъ на лѣто за границу, и въ большомъ домѣ никто не жилъ; его просто на это время запирали. Простучавъ добрыхъ полчаса безуспѣшно, я рѣшилъ, что надо обратиться къ начальнику станціи, который, по моему мнѣнію, долженъ былъ жить во флигелѣ. Я подошелъ къ двери и такъ заколотилъ по ней, что цѣлые куски штукатурки полетѣли

съ боковъ и сверху. Черезъ минуту чей то голосъ за дверью съ сильно армянскимъ выговоромъ грубо спросилъ: «Кто тамъ? Кто ты?» — «А тебѣ зачѣмъ! — отвориай, дуракъ.» — «Кто ты — говори кто?»... «Богъ!» — Этотъ отвѣтъ вполне соответствовалъ моему душевному настроенію. Дверь отворилась и предо мною предсталъ здоровый, обросшій черной бородою, по типу кавказецъ, со свѣчею въ рукѣ. Я, ничего не говоря, схватилъ его за шиворотъ и сталъ трясти... Онъ, видно, испугался, выронилъ свѣчу и закричалъ: «чертъ... чертъ, что ты? что тебѣ надо?» Но тутъ вдругъ появился еще какой то господинъ, въ котормъ, къ великому изумленію своему, я узналъ знакомаго нѣмца — еще молодого человѣка, бывшаго нѣсколько разъ въ нашемъ домѣ. Я выпустилъ свою жертву и очень любезно поздоровался съ нѣмцемъ, что его, повидимому, не мало изумило. Онъ, вѣроятно, догадался въ чемъ дѣло, потому что хотя и не видѣлъ еще меня больнымъ, но, бывая въ городѣ, объ этомъ слышалъ. «Пожалуйте въ комнаты!» — радушно пригласилъ меня нѣмецъ, растворяя предупредительно двери; онъ что то пешнулъ кавказцу и тотъ исчезъ. — «Скажите, пожалуйста, развѣ вы начальникъ станціи?»... — обратился я къ нѣмцу, слѣдуя его приглашенію и войдя въ довольно большую комнату. Нѣмецъ выпучилъ глаза. «Какой станціи? тутъ никакой станціи нѣтъ... А вы шель на станцію?»... «Да, мнѣ сегодня надо ѣхать въ Петербургъ и я спѣшилъ на вокзалъ». — «Это ничего, и вы немного заблудились, а завтра утромъ мы оба поѣдемъ», заявилъ мнѣ нѣмецъ, поддѣлываясь подъ мой тонъ. «Вы теперь немного у насъ засните... до утра, вотъ тутъ на диванѣ, я вамъ сейчасъ дамъ подушка, а завтра мы ѣдемъ». Онъ засуетился и убѣжалъ куда то въ другія комнаты. Въ силу того, что новыя впечатлѣнія создавали у меня и новыя желанія — я, нѣсколько успокоившись и перемѣнивъ планъ, рѣшилъ погостить у начальника станціи, т. е. нѣмца, котораго, не смотря на то, что раньше зналъ за управляющаго княжескаго имѣнія, все-же принималъ теперь за начальника станціи. Но

я совершенно былъ увѣренъ, что мѣсто, куда я пришелъ, былъ вокзалъ, и думалъ просто, что нѣмецъ меня морочить. Мнѣніе или убѣжденіе, составленное въ болѣзни, какъ я замѣтилъ вообще, держалось очень упорно и довольно долго; никакіе доводы со стороны, какъ бы логичны они ни были, не дѣйствовали, а иногда случалось, что самый незначительный фактъ, но подмѣченный лично, перемѣнялъ совершенно мнѣніе, ранѣе составившееся. Нѣмецъ принесъ мнѣ подушку и просилъ уснуть. Я еще не говорилъ, что во время болѣзни у меня временами являлось сильное желаніе пѣть; это даже можно было назвать потребностью, и я иногда пѣлъ часа по два сряду; при чемъ конечно я воображалъ, что голосъ мой, котораго у меня въ сущности не было, превосходить всякихъ Мазини и Мерзвинскихъ. Я, на примѣръ, не игралъ ни на одномъ музыкальномъ инструментѣ, но стоило мнѣ дома или гдѣ нибудь у знакомыхъ увидѣть раскрытый рояль или скрипку, и я сейчасъ же садился играть — и мнѣ чудилось, что изъ подъ моихъ пальцевъ льются божественные звуки, и я самъ всегда несказанно наслаждался своей игрой. Какъ разъ въ ту пору, когда мнѣ предложили отдохнуть, мнѣ захотѣлось пѣть. «Вотъ я вамъ спою!» — сказалъ я нѣмцу. — «Но предупреждаю васъ: у меня сильный, дивный голосъ»... И дѣйствительно — первая нота, прозвучавшая чѣмъ то необыкновеннымъ среди мертвой тишины погруженнаго въ сонъ дома, заставила вздрогнуть самого хозяина, а черезъ минуту я поднялъ уже на ноги всю его семью... Гдѣ то раздался испуганный плачь ребенка, и какая то женщина въ ночной кофточкѣ нѣсколько разъ тревожно заглянула черезъ двери въ нашу комнату. Цѣлый часъ я не переставая пѣлъ; мой единственный видимый слушатель сначала просилъ меня прекратить пѣніе въ виду поздняго времени, но замѣчая, что я не унимаюсь, беспомощно опустился на стулъ и началъ зѣвать... Онъ посидѣлъ съ полчаса, не выдержалъ и ушелъ. Но вотъ силы моей нервной системы истощились; я упалъ на подушку и заснулъ глубокимъ сномъ до поздняго

утра... Меня разбудил мой любезный хозяинъ и сказалъ мнѣ, что лошади готовы и что мы должны ѣхать на вокзалъ, который будто бы находился въ нѣсколькихъ верстахъ. Черезъ два часа къ великому моему изумленію и большой радости родныхъ—мы приѣхали домой.

Въ это время въ домашнемъ совѣтѣ рѣшено было помѣстить меня въ психіатрическую больницу въ г. К.....ѣ, и моя мать предварительно туда уѣхала, а черезъ нѣсколько дней телеграфировала отцу, чтобы и меня везли въ К...ъ. Чтобы замаскировать и возможно хитрѣе обставить эту поѣздку, не вызвавъ моего подозрѣнія, отецъ подыскалъ очень ловкаго малоросса, отставного унтера, у котораго за службу было нѣсколько крестовъ и медалей, и приказалъ ему отрекомендоваться мнѣ полковникомъ, который назначенъ мнѣ въ личные адъютанты и долженъ былъ сопровождать меня въ К—ъ, куда мнѣ предложили поѣхать развлечься. Ловкій малороссъ Иванъ Петровъ, какъ нельзя болѣе удачно, исполнилъ это порученіе и съумѣлъ очень скоро исполнѣ расположить меня къ себѣ и увѣрить въ своей искренности. Черезъ два дня я совмѣстно съ адъютантомъ Иваномъ выѣхалъ въ К—ъ. До желѣзнодорожной станціи намъ пришлось проѣхать восемьдесятъ верстъ лошадьми. На полъ-дороги мы заѣхали на постоялый дворъ, чтобы дать отдохнуть лошадямъ. Войдя въ комнату для проѣзжающихъ, я замѣтилъ хорошенькую молодую блондинку, которая сидѣла за столомъ и пила чай. Самоваръ очень привѣтливо пыхтѣлъ и такъ и подмывалъ меня присѣсть. Я быстро подошелъ къ блондинкѣ, представился ей, спросилъ, куда ѣдетъ, и, получивъ отвѣтъ, что она ѣдетъ въ К—ъ, выразилъ большое удовольствіе и сказалъ, что постараюсь быть самымъ ревностнымъ ея кавалеромъ въ дорогѣ. Блондинка очень любезно меня поблагодарила и предложила чаю. Завязался оживленный разговоръ: оказалось, что я ее отчасти знаю, такъ какъ она жила раньше въ одномъ городѣ со мною, да вдававокъ еще и воспитывалась въ женской гимназіи въ то время, когда я былъ въ муж-

ской. Не знаю, знала ли она что нибудь о моей болѣзни, но во всякомъ случаѣ она относилась ко мнѣ, какъ къ совершенно здоровому человѣку, и я, кажется, съ своей стороны не далъ ей ни малѣйшаго повода заподозрить что нибудь; такъ какъ намъ обоимъ нужно было ѣхать до станціи желѣзной дороги, то мы сговорились съ ней ѣхать вмѣстѣ въ ея экипажѣ, полагая, что такъ намъ будетъ веселѣе... Она была хорошенькая полная блондинка съ живыми бойкими глазами и чуднымъ алымъ ротикомъ. Въ ея голубыхъ глазахъ было такъ много молодого задора и они смотрѣли такъ, какъ будто о чемъ то спрашивали. Магнетизируемый этимъ взглядомъ, я положительно таялъ отъ восторга, сыпалъ ей самыми отборными любезностями и, повидимому, производилъ впечатлѣніе, потому что моя спутница то, потупляя глазки, краснѣла, что не мѣшало ей однако же показывать по временамъ свою изящную ножку въ элегантной туфелькѣ, то съ самымъ серьезнымъ выраженіемъ смотрѣла на меня. Мы очень весело провели время, пока отдохнули наши лошади, и подъ вечеръ выѣхали вмѣстѣ въ ея экипажѣ. Наэкзальтированный близкимъ ея сосѣдствомъ, такъ какъ наши локти почти соприкасались и, находясь въ тоже время подъ вліяніемъ болѣзни и чудной лунной ночи, я скоро началъ объясняться ей въ своихъ чувствахъ и не помню ужъ при какихъ обстоятельствахъ завершилъ это объясненіе самымъ горячимъ поцѣлуемъ. Это, очевидно, не произвело дурнаго впечатлѣнія, такъ какъ спутница моя не выразила неудовольствія, и мы въ положеніи влюбленныхъ благополучно прибыли, наконецъ, на станцію желѣзной дороги.

Разнообразная толпа, оживленно снующая по вокзалу, яркое освѣщеніе, неумолкаемый шумъ, происходившій отъ движенія поѣздовъ, подѣйствовали благоприятно на мои нервы, какъ бы охлаждадая ихъ; я не отставалъ отъ своей дульцинеи и не знаю уже почему она сѣла вмѣстѣ со мною въ вагонъ, гдѣ мнѣ, за все ея расположеніе ко мнѣ, удалось защитить ее отъ слишкомъ назойливыхъ любезностей какого-то черномазаго

господина, котораго я, вспыхивши, хотѣлъ выбросить въ окно на всѣхъ парахъ идущаго поѣзда, чѣмъ и убилъ у него всякую охоту говорить ей плоскія любезности. Ближе присматриваясь къ своей спутницѣ, я замѣтилъ, что она похожа на одну извѣстную примадону, дебютировавшую въ зимній сезонъ въ К. оперѣ; къ концу же путешествія я, по извѣстной уже склонности принимать всѣхъ не за то, что они есть, на самомъ дѣлѣ вообразилъ, что, со мной, дѣйствительно, ѣдетъ примадона К. оперы. Конечно, въ ту пору моя хорошенькая сосѣдка уже знала, что имѣеть дѣло съ душевно-больнымъ, и, вѣроятно, благодаря своей чуткой женской душѣ, относилась ко мнѣ какъ сестра, и, когда я сказалъ ей, что слышалъ ее нѣсколько разъ въ К. оперѣ и всегда съ одушевленіемъ ей аплодировалъ, она не стала разувѣрять меня въ противномъ. Я положительно былъ ею очарованъ и при прощаніи на вокзалѣ просилъ позволенія навѣстить ее и оставить мнѣ для этой цѣли свой адресъ,—на что она охотно согласилась, и мы разстались при самыхъ горячихъ пожеланіяхъ, по крайней мѣрѣ, съ моей стороны. Съ вокзала я поѣхалъ въ гостиницу къ своей матери. Конечно, встрѣча была очень радостная, тѣмъ болѣе, что я ничего не подозрѣвалъ объ ея намѣреніяхъ. Въ это время я считалъ себя очень ученымъ мужемъ вообще, большимъ знатокомъ литературы въ частности и рѣшилъ воспользоваться своимъ приѣздомъ въ К. для того, чтобы написать и защитить диссертацию на степень доктора философіи. Темой для своего сочиненія я избралъ произведенія извѣстнаго пессимиста Артура Шопенгауэра. Сочиненіе должно было носить заглавіе: «Шопенгауэръ какъ философъ».—Подъ наплывомъ всякихъ критическихъ комбинацій, относившихся къ моему сочиненію, и измученный дорогою, я незамѣтно уснулъ, лежа на кровати. Когда я проснулся, то замѣтилъ, къ немалому своему изумленію, что у меня на кровати сидитъ докторъ, тотъ самый, о которомъ я говорилъ въ началѣ. Онъ, очевидно, явился по приглашенію моей матери; мы разгово-

рились: докторъ предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о здоровьѣ и о томъ, какъ я себя чувствую. Я отвѣчалъ, что очень хорошо и сейчасъ же началъ излагать ему мой планъ защиты диссертации. Онъ пытался было возражать, но, замѣтивъ мою экзальтацию, поспѣшилъ со всѣмъ согласиться и скоро ушелъ. Сейчасъ же послѣ его ухода отправился и я къ своимъ знакомымъ, гдѣ думалъ начать свою работу. Мнѣ предложили всѣ сочиненія Шопенгауэра, и я не медля взялся за дѣло. Въ два—три часа я написалъ то, что слѣдовало, по моему мнѣнію, сказать о сочиненіяхъ этого мыслителя. Свою работу я прочелъ знакомымъ: это былъ хаосъ, состоящій изъ разнаго рода разсужденій и мыслей иногда оригинальныхъ, но зачастую неумѣстныхъ и безъ логической связи; на все это потребовалось пять листовъ писчей бумаги. Слушатели поголовно восхищались моимъ произведеніемъ, и я, полный надеждъ, не медля отправился въ университетъ. Ректора видѣть мнѣ не удалось и я ограничился тѣмъ, что забрался въ какой то залъ, гдѣ нѣсколько студентовъ лихорадочно просматривали тетради и книги въ виду предстоящаго экзамена. Къ одному изъ нихъ я обратился за справками; меня, не медля, окружили: впечатлѣніе было большое, такъ какъ они не догадались, съ кѣмъ имѣють дѣло, и если я возбуждалъ у нихъ сомнѣніе, то развѣ только своей молодостью; я тутъ же затѣялъ какой то литературный споръ съ однимъ изъ студентовъ и нѣсколькими оригинальными сравненіями и вопросами положительно поставилъ въ тупикъ противника. Къ вечеру, послѣ разныхъ мелкихъ приключеній, огорченный тѣмъ, что не видѣлъ и не переговорилъ съ ректоромъ, я вернулся домой. Цѣлый этотъ день я ничего не ѣлъ, а потому спросилъ себѣ чего нибудь поѣсть. Мать предложила мнѣ съѣсть кусокъ колбасы, такъ какъ ничего другого подъ рукой не было. Отъ колбасы я отказался, а заказалъ себѣ обѣдъ съ какимъ то необычнымъ меню. Мать просила меня ограничиться закуской поскромнѣе, такъ какъ на мой обѣдъ у нея не было денегъ. Думая, что она

притворяется, я страшно вспыхнул, швырнул куском колбасы въ стѣну, схватилъ свою шляпу и опрометью выбѣжалъ на улицу. Дойдя до извѣстнаго въ К—ѣ «Грандъ-Отеля», я взялъ лихача и приказалъ ѣхать въ «Шато-де-Флеръ». Рысакъ помчался. Денегъ у меня не было ни копѣйки, но, какъ я уже сказалъ раньше, я былъ убѣжденъ, что я очень богатъ и что сотни тысячъ моихъ денегъ хранятся въ разныхъ государственныхъ банкахъ... Подѣхавъ къ «Шато-де-Флеръ», я велѣлъ лихачу меня дожидаться и съ такимъ достоинствомъ прошелъ въ ворота сада, что у меня никто даже и не подумалъ спросить билетъ. Я прошелъ прямо въ блестящій, огромный залъ лѣтней ротонды, открытой съ одной стороны для входа и установленной небольшими столиками. Залъ положительно кишѣлъ народомъ,—оживленіе было общее; огромная газовая люстра лила на всѣхъ соблазняющій яркій свѣтъ, спускаясь съ середины потолка. Настроеніе духа у меня было особенно веселое. Съ засунутыми въ карманы руками я небрежно бродилъ между столиками. Ко мнѣ предупредительно подскочилъ наблюдательный лакей и, учтиво согнувшись, спросилъ «не прикажете ли?» Я посмотрѣлъ на лакея... «Развѣ поужинать?» мелькнуло у меня въ головѣ...—«Хорошо, дай карточку»...—«Пожалуйте вотъ сюда, суетился лакей, предлагая мнѣ одинъ изъ столиковъ, который стоялъ такъ, что, закусывая на немъ, можно было видѣть всю залу въ длину и все общество.—«Ага, подумалъ я, глядя на суетившагося лакея,—вѣроятно, знаетъ, кто я, и нарочно посадилъ меня за этотъ столикъ, чтобы я могъ видѣть все общество». Я заказалъ себѣ роскошный ужинъ; меню было приблизительно такое: холодецъ,—что было особенною роскошью для начала мая,—рябчикъ, маринованная осетрина, какой то соусъ, затѣмъ ананасъ, но такъ какъ такового не оказалось, то я потребовалъ клубнику. Лакей, почтительно склонивши голову, выслушалъ меня и удалился.—«Гаванскихъ сигаръ, если есть»,—крикнулъ я ему въ догонку. Черезъ нѣсколько минутъ лакей явился съ приборомъ и по-

далъ мнѣ сигары. Онѣ были запечатаны въ коробочкѣ и ихъ было всего двѣ; на коробочкѣ почему то значилась цѣна, написанная черниломъ: «рубль сорокъ». Въ то время, когда лакей подалъ мнѣ сигары, я замѣтилъ въ толпѣ красиваго брюнета, котораго, оказалось, я когда то зналъ, еще живя дома, но знакомъ съ нимъ не былъ. Я подошелъ къ нему, очень непринужденно завязалъ какой-то разговоръ и предложилъ сигару. Въ это время подошелъ лакей и объявилъ: «кушать подано». Я оставилъ своего знакомаго и ушелъ ужинать, выпивъ предварительно рюмку коньяку возлѣ буфета. Во время ужина, я замѣтилъ какого то полицейскаго чиновника, который сталъ съ боку и уставился на меня... Я совершенно спокойно продолжалъ ѣсть и потребовалъ карточку винъ... Я выбралъ какое то вино, которое называлось, кажется, «Шато Ротшильдъ», или какъ то въ этомъ родѣ. Лакей побѣжалъ къ хозяину буфета узнать, есть ли такое вино? Въ это время, очевидно, наблюдавшій за мною чиновникъ, тоже куда то исчезъ. Черезъ пять минутъ явился содержатель буфета, за нимъ шелъ лакей съ бутылкой вина.—«Вы мнѣ потрудитесь уплатить сейчасъ за вино деньги, оно очень дорогое,»—обратился ко мнѣ содержатель буфета.—«Такъ что же изъ этого?»—крикнулъ я на него, сразу вспыхивши за такое предложеніе. Буфетчикъ смутился: «видите ли, я васъ не знаю—чѣмъ вы меня гарантируете»...—«Какъ чѣмъ?»—перебилъ я его. Чѣмъ васъ гарантируетъ все остальное общество?»—«Да они всѣ мнѣ заплатятъ.»—«Я тоже вамъ заплачу... позвольте мнѣ вино.»—«Раскупори!»—обратился буфетчикъ къ лакею, удивленно слушавшему наши пререканія. Буфетчикъ ушелъ. Во время нашего разговора кто то изъ мѣстныхъ зоиловъ пригласилъ цѣлый хоръ пѣвицъ шансонетокъ къ отдѣльный кабинетъ, двери котораго находились какъ разъ въ той стѣнѣ залы, противъ которой я сидѣлъ. Увидя нѣсколько красивыхъ, молодыхъ женщинъ, которыя попарно входили въ кабинетъ, я вообразилъ, что это фрейлины моего двора и что мнѣ кто то дѣлаетъ сюрпризъ, показывая ихъ и соблюдая мое

инкогнито... Изъ кабинета раздалось пѣніе. Я уже оканчивалъ ужинъ, дождавъ рябчика; оставалась только клубника. Услыхавъ пѣніе, я всталъ и подошелъ къ дверямъ кабинета, которыя, какъ нарочно, въ этотъ моментъ отворились, и оттуда стали попарно выходить пѣвицы. Я подошелъ къ одной изъ нихъ и началъ расхваливать ее за пѣніе. Шансонетка окинула меня взоромъ съ головы до ногъ и, принявъ, вѣроятно, за какого нибудь богатаго хлыща, любезно очень отвѣтила на мой комплиментъ. Разговаривая съ ней, я дошелъ до дверей апартаментовъ, назначенныхъ для пѣвицъ. Какой то лакей загородилъ мнѣ дорогу, говоря, что входъ мужчинамъ въ комнаты шансонетокъ воспрещается. Я отстранилъ лакея и вошелъ туда, не смотря еще на заявленія двухъ пѣвицъ, которыя съ гримасами увѣряли меня, что входъ мужчинамъ воспрещенъ. Я продолжалъ бесѣдовать съ своей дамой, которая обстрѣливала меня довольно красивыми, хотя уже и порядочно выцвѣвшими глазами. Въ это время подошелъ ко мнѣ буфетчикъ и пригласилъ меня оканчивать ужинъ, при чемъ подалъ мнѣ счетъ; внизу стояло пятнадцать или шестнадцать рублей. Я оставилъ свою даму, сказавъ ей, что еще зайду, и пошелъ въ залъ. За мною, какъ тѣнь, слѣдовалъ буфетчикъ. Когда я сѣлъ возлѣ своего столика и подсунулъ было уже ближе къ себѣ клубнику, буфетчикъ тоже вдругъ простеръ ко мнѣ свои руки и тономъ, похожимъ на шипѣніе змѣи, пропищалъ: «позвольте деньги»...—«Да что вы лѣзете?»—крикнулъ я на него.—«Я еще не кончилъ ужинъ, и расплачусь послѣ».—«Да мнѣ деньги позвольте»,—на этотъ разъ какимъ то убитымъ голосомъ простоналъ буфетчикъ.—«Деньги?»—привскочилъ я со стула, вперивъ сверкающій взглядъ въ буфетчика.—«Вы требуете, чтобы я заплатилъ вамъ деньги, думаете, что у меня ихъ нѣтъ и на этомъ основаніи мѣшаете мнѣ ужинать?»... Я подозвалъ какого то полицейскаго чиновника. «Потрудитесь, заявилъ я ему, составить протоколъ: вотъ эта скотина,—указалъ я рукою на буфетчика,—мѣшаетъ мнѣ ужинать»... Буфетчикъ въ это время схватилъ одной рукой

блюдечко съ клубникою, а другою—руку полицейскаго чиновника и сталъ что то ему съ жаромъ объяснять... Чиновникъ подошелъ ко мнѣ.—«Вотъ видите ли, началъ онъ, они думаютъ, что вы не уплатите денегъ; чтобы покончить эти недоразумѣнія уплатите ему лучше». Онъ нагнулся къ моему уху: «вы ему извините, это такой бурбонъ».—Буфетчикъ стоялъ немного вдали.—«Эй, вы, крикнулъ я ему, вы желаете, чтобы я уплатилъ вамъ деньги? да? подайте мнѣ перо и чернильницу».—«Да мнѣ деньги, деньги мнѣ отдайте», завопилъ буфетчикъ. Насъ окружила публика. Я принялся кричать и что то доказывать; кругомъ слышались взрывы хохота. Наконецъ, полицейскій чиновникъ подошелъ ко мнѣ и, взявъ меня подъ руку, тихонько сказалъ: «пойдемъ лучше отсюда, чертъ съ нимъ—я васъ проведу; вы куда желаете идти?»—Я пошелъ за нимъ, и, конечно, попалъ въ участокъ, куда лихо подкатилъ съ своимъ новымъ адъютантомъ, которому и предоставилъ право разсчитаться съ извозчикомъ, потратившимъ для меня нѣсколько часовъ.

Въ участкѣ я назвался великимъ княземъ и, не смотря на то, долженъ былъ провести ночь въ арестантской; къ утру дѣло разъяснилось, такъ какъ мой адъютантъ Иванъ разыскалъ меня, что дѣлало большую честь его смѣтливости, и объяснилъ, кто я такой. Вечеромъ то же дня мы съ Иваномъ выѣхали изъ К..., гдѣ моей матери не удалось помѣстить меня въ лѣчебницу... и черезъ нѣсколько дней я уже находился на излѣченіи въ психіатрической больницѣ сосѣдней губерніи...

Случилось это довольно просто. Вечеромъ того же дня, когда я былъ выпущенъ изъ участка, мнѣ мой адъютантъ почтительно подалъ какое то письмо... На адресъ значилось: Его Высочеству Великому Князю Владиміру. Я лихорадочно разорвалъ конвертъ... А... Наконецъ то... подумалъ я... Въ письмѣ значилось: «Дорогой братъ! Приѣзжай немедля въ N. Есть очень интересныя новости. Наконецъ то мы свидимся и твое инкогнито разоблачится. Великій Князь Константинъ». Адъютантъ мой присовокупилъ, что мы должны выѣхать съ первымъ

поѣздомъ и что онъ лично получилъ инструкціи на этотъ счетъ. Конечно, полученное мною письмо являлось ловкой продѣлкой моего адъютанта, безъ которой меня не легко было бы увезти изъ К... Голова моя заработала съ новой силой; если въ моей душѣ и была какая нибудь тѣнь сомнѣнія относительно моего происхожденія, то съ полученіемъ этого письма она совершенно уничтожалась. Я страстно ожидалъ этого свиданія, съ которымъ для меня открывалась новая жизнь: мечты мои залетали иногда очень далеко, и я видѣлъ себя не только великимъ княземъ, а державнымъ правителемъ многомилліонной страны, и въ моей головѣ, какъ въ чудодѣйственной машинкѣ XX столѣтія, создавались одинъ другого гениальнѣе законы для блага человѣчества и чудилось мнѣ, что несмѣтная толпа народа съ трепетомъ ожидаетъ моего прибытія, а вмѣстѣ съ нимъ и осуществленія цѣлаго ряда реформъ и усовершенствованій для всеобщаго блага. Подъ наплывомъ такого рода думъ я не замѣтилъ, что мы уже не въ вагонѣ, а катимъ фаэтономъ по разнымъ улицамъ какого то большого города. Фаэтонъ остановился наконецъ возлѣ высокой чугунной ограды, которой обнесено было огромное четырехугольное зданіе съ массою оконъ; въ нѣкоторыхъ окнахъ видѣлся свѣтъ.—«Вотъ мы и приѣхали»... заявилъ мнѣ мой адъютантъ.—«Надо пойти доложить, а вы тутъ посидите. Онъ вѣроятно тамъ!»—онъ указалъ рукою на освѣщенные окна. Мы остановились какъ разъ возлѣ большихъ рѣшетчатыхъ воротъ, черезъ которыя можно было видѣть силуэты части построекъ и большихъ дверей, ведущихъ въ пріемные покои психіатрической лѣчебницы. Рѣшетчатые ворота открылись и пропустили моего адъютанта. Онъ прошелъ видѣнную часть двора и скрылся за большой дверью, которая, растворившись на мигъ передъ нимъ, обнаружила большое освѣщенное пространство, въ которомъ кромѣ какихъ то неопредѣленныхъ очертаній ничего нельзя было уловить. Сердце мое усиленно забилося; въ окна видѣлся яркій свѣтъ.—«Тамъ за этими окнами, думалось мнѣ, мой братъ съ цѣлой дю-

жиной разныхъ сановниковъ обсуждаетъ трудный государственный проектъ». Но вотъ растворяется дверь и вхожу я: общее смущеніе—всѣ вскакиваютъ съ мѣсть. Я привѣтливо киваю головою: «садитесь, господа, садитесь». Мнѣ придвигаютъ предсѣдательское кресло и я въ пять минутъ двумя небрежно сказанными фразами гениально рѣшаю все дѣло къ общему удивленію.—«Пожалуйте, пойдѣте»... Я очнулся: передо мной стоялъ мой адъютантъ и приглашалъ меня вылѣзть. Физиономія, которую онъ повернулъ ко мнѣ какъ то особенно хитро, улыбалась. Я сошелъ съ экипажа и мы вошли во дворъ черезъ тѣ же ворота. Такъ вотъ та завѣтная дверь, за которой начнется для меня новая жизнь, полная разумныхъ дѣлъ и стремленій, нескончаемыхъ радостей, неисчислимыхъ удовольствій, думалъ я, подходя къ главному входу! Адъютантъ мой нажалъ пуговку электрическаго звонка. Дверь растворилась. Я гордо вошелъ въ большую комнату, залитую яркимъ свѣтомъ. Это преддверіе моего рая, вѣроятно, служило прихожей. Комната была высокая и длинная. Около одной изъ стѣнъ возлѣ большого окна стоялъ деревянный диванъ, очевидно, для посѣтителей. Какъ разъ напротивъ находилась дверь, на верху которой стояла надпись: «кабинетъ директора». Туда и вошелъ мой адъютантъ. Рядомъ съ этой дверью на небольшомъ разстояніи была другая дверь, настежь раскрытая, въ которую видѣлся длинный корридоръ. Какъ разъ противъ этой двери находилась еще третья дверь съ надписью на верху: «отдѣленіе для эпилептиковъ». Эту надпись я прочелъ уже спустя нѣсколько дней. Какъ разъ посреди этихъ двухъ входовъ возвышалась чугунная громадная лѣстница, устланная плетенымъ ковромъ; куда она вела, пока не было извѣстно. Воздухъ хотя и былъ дезинфицированъ, но всетаки меня сразу поразили какой то присущій только больницѣ запахъ и, еслибы не изумительная чистота и особенно привѣтливый видъ, который имѣла эта комната, я пожалуй сразу догадался бы, гдѣ нахожусь. Когда я впервые вдохнулъ въ себя этотъ воздухъ,

меня какъ бы что-то кольнуло въ сердце и какое то, пока неопредѣленное, смутное, подозрѣніе сразу охватило все мое существо. — «Неужели?... подумалъ я... «и это больница?»... Эта мысль явилась только на секунду. Пренія иллюзіи предстали съ новой силой, и я весь превратился въ ожиданіе. «Вотъ... вотъ... думалось мнѣ, сейчасъ выйдетъ мой братъ». Вдругъ дверь, надъ которой находилась надпись: «кабинетъ директора», шумно распахнулась, и ко мнѣ быстро подошелъ красивый мужчина, довольно полный, весь въ черномъ и въ золотыхъ очкахъ и, привѣтливо притягивая мнѣ руку, проговорилъ: «здравствуйте». Я привсталъ, такъ какъ все это время сидѣлъ на диванѣ и отвѣтилъ: «здравствуйте»... Господинъ въ черномъ нѣсколько времени пристально смотрѣлъ на меня. — «Чѣмъ вы больны?» вдругъ спросилъ онъ. — «Ага, подумалъ я, вотъ что»... и быстро отвѣчалъ: «я ничѣмъ не боленъ; я совершенно здоровъ... изъ чего вы заключили?»... При этомъ вопросѣ лицо этого господина ласково улыбнулось и онъ привѣтливо потрепалъ меня по плечу... — «Вамъ придется у насъ немного погостить»... Проговоривъ эту фразу, онъ повернулся и ушелъ какой-то широкой, размашистой походкой. Въ это время ко мнѣ подошелъ вертлявый молодой человѣкъ и, любезно взявъ меня подъ руку, пригласилъ слѣдовать за собою. Мы вошли въ длинный корридоръ, освѣщенный двумя висящими лампами. По обѣимъ сторонамъ корридора находились широкія двери, раскрытыя настежь, въ которыя видны были полуосвѣщенныя большія комнаты, а въ нихъ, какъ привидѣнія, стояли блестящія чистымъ бѣлымъ кровати. Всѣ двери были одинаковы, всѣ комнаты казались равной величины. Мы прошли мимо нѣсколькихъ комнатъ почти весь корридоръ и, наконецъ, услужливый молодой человѣкъ пригласилъ меня сѣсть на скамью, которая стояла возлѣ стѣны. Здѣсь корридоръ заканчивался большой дверью, которая была закрыта и вела, какъ оказалось послѣ, въ большой залъ, гдѣ больные пили чай, обѣдали и ужинали, а подчасъ, на примѣръ, во время дурной погоды, и гуляли. Къ

нашему корридору, какъ разъ посреди, примыкала другой корридоръ направо, который заканчивался нѣсколькими ступеньками внизъ, гдѣ находилась маленькая дверь, всегда закрытая, которая, какъ я узналъ послѣ, вела въ отдѣленіе, на больничномъ жаргонѣ называвшееся «буйнымъ». Всюду царствовала изумительная тишина. Больные уже спали. Нѣсколько служителей дремали на лавкахъ. Я уже болѣе не сомнѣвался, гдѣ я нахожусь, хотя мнѣ и не приходило въ голову, что это: «психіатрическая лечебница». — «Вы у насъ переодѣнетесь», — заявилъ мнѣ молодой человѣкъ, бывший, какъ оказалось послѣ, въ эту ночь дежурнымъ фельдшеромъ. — «Эй, Григорій, крикнулъ онъ одному изъ служителей — дай чистое бѣлье. — Это вамъ бѣлье на ночь, добавилъ онъ, а завтра мы дадимъ вамъ верхнее платье». — Я возмущался до глубины души, что мною такъ распоряжались и первой мыслью моей было оказать энергичное сопротивленіе, но, взглянувъ на широкія спины и атлетическое сложеніе находившихся здѣсь служителей, я понималъ, что это ни къ чему бы не привело, а потому я рѣшилъ пока повиноваться и, разузнавши хорошенько, почему я попалъ въ больницу, употребить всѣ средства для своего освобожденія. Я переодѣлся въ больничное бѣлье. — «Ну, теперь пожалуйте — вотъ вамъ постель», — сказалъ мнѣ фельдшеръ, вводя въ небольшую комнату, гдѣ стояло три кровати. При нашемъ входѣ съ крайней кровати быстро вскочилъ молодой человѣкъ и, сильно жестикулируя и расшаркиваясь передъ фельдшеромъ, заговорилъ: «М-е Ивановъ. Что-же вы принесли мнѣ покурить?» Онъ схватилъ Иванова за руку. «М-е Ивановъ! Ну, будьте такъ добры, дайте папироску: я васъ готовъ просить на колѣняхъ». — Онъ быстро опустился на колѣни и драматически приложилъ руку къ сердцу. — «Ну, полно, полно... Не дурите,» — наставительнымъ голосомъ отвѣчалъ фельдшеръ, — «извольте встать и сейчасъ же ложитесь спать, а то иначе не получите... вотъ ваша кровать,» — указалъ онъ мнѣ рукою на пустую кровать. Я подошелъ и легъ. — «Такъ вы мнѣ дадите папироску?» — заис-

квивающимъ голосомъ обратился большою къ фельдшеру. «Дамъ, дамъ ступайте за мной, Рошевскій». — Рошевскій сразу переѣмилъ тонъ, гордо закинулъ назадъ голову, погладилъ рукою свои коротко остриженные волосы и важно пошелъ за фельдшеромъ. Я осмотрѣлъ тѣмъ временемъ свое новое помѣщеніе: это была узкая высокая комната съ однимъ большимъ окномъ, которое выходило куда-то во дворъ. Въ комнатѣ стояло три желѣзныхъ кровати и возлѣ каждой изъ нихъ по такому же столику, — это составляло всю мебель. Пока я осматривалъ комнату, вернулся Рошевскій: во рту у него какъ-то особенно ухарски торчала папироска. — «Позвольте представиться, — сказалъ онъ мнѣ и протянулъ руку. Я — Трубецкой... помните?»... и онъ вдругъ продекламировалъ: «О, Трубецкой и Волконской дѣдушка пѣлъ и вздыхалъ, пѣлъ и тоской вавилонской келью свою оглашалъ»... Я молча его выслушалъ. «Трубецкой» — думалось мнѣ, — «въ хорошее общество попалъ я». — «Но какъ же его зовутъ Рошевскій?» — подумалъ я и спросилъ: «васъ, кажется, тотъ господинъ называлъ Рошевскимъ?»... Липо его вдругъ сразу при этомъ вопросѣ приняло злое выраженіе: «онъ вретъ, вретъ, все вретъ»... заговорилъ онъ быстро: «вы ему не вѣрьте: это такая тонкая бестія — я его уже хорошо изучилъ; вы думаете, вѣроятно, что онъ мнѣ по добротѣ душевной далъ папироску?... Какъ бы не такъ. Онъ меня хочетъ отравить или утопить — сколько разъ пытался... Ну, да имъ не удастся... Ихъ цѣлая компанія: онъ тутъ не одинъ. О, я васъ проведу!»... Его большіе сѣрые глаза злобно сверкнули и сжатый кулакъ угрожающе замахалъ въ ту сторону, куда скрылся фельдшеръ. — «А вы за что сюда попали?»... обратился онъ ко мнѣ, немного спустя. — «Я ничего не знаю,» — отвѣтилъ ему я. — «Я ѣхалъ къ своему брату, а очутился здѣсь. Меня обманулъ мой адъютантъ». — «Какъ у васъ и адъютантъ есть?»... переспросилъ меня мнимый Трубецкой и подскочилъ при этомъ ко мнѣ. «Да, конечно, отвѣчалъ я важно: я братъ Государя»... «О, Ваше Величество», перебилъ меня Трубецкой: «я весь вашъ, я знаю васъ

засадилъ сюда козни вашихъ враговъ; я буду вашимъ преданнымъ слугою и мы отсюда убѣжимъ, какъ только къ тому представится случай; тѣмъ временемъ мы здѣсь будемъ проводить весело время: вотъ завтра, когда пойдемъ на работы, я покажу вамъ садъ, гдѣ гуляютъ женщины; въ щелку, знаете, можно все видѣть — есть очень хорошенькія... Я думаю завести интрижку»... при этомъ онъ запѣлъ вдругъ какую-то скандальную пѣсенку. Въ это время откуда ни взялся фельдшеръ. — «Вы чего орете?... накинута онъ на Рошевскаго... всѣ спать... А!... Еще накурили здѣсь?... Сколько разъ я васъ просилъ не курить въ комнатѣ?... Пойдемте въ буйное отдѣленіе! — Вамъ здѣсь нельзя быть»... «Нѣтъ, я не пойду»... окрысился на него Рошевскій — «Не пойдете?... Григорій!»... Послышались тяжелые шаги. — «Господинъ Ивановъ, господинъ Ивановъ!» — завопилъ вдругъ Рошевскій... «голубчикъ, не ведите меня туда... я никогда уже не буду, ей-богу не буду... я буду спать». — «Ну, смотрите-же... примирительнымъ тономъ сказалъ Ивановъ, — а то на всю ночь запру». Онъ ушелъ. Рошевскій молча легъ на кровать и завернулся въ одѣяло; больше въ эту ночь я его не слышалъ. Второй мой сосѣдъ, все время лежавшій на кровати съ открытыми глазами, не произнесъ во все время ни одного слова и только о чемъ-то тяжело вздыхалъ по временамъ и переворачивался съ бока на бокъ. Утомленный поѣздкой и послѣдними впечатлѣніями этого дня, я долго обдумывалъ, что со мною случилось; все видѣнное путалось у меня въ головѣ: Рошевскій и Трубецкой, черный толстый господинъ и вертлявый фельдшеръ Ивановъ, служителя, какой-то садъ, хорошенькія женщины — все это вмѣстѣ съ моими мыслями составило страшный хаосъ въ моей головѣ и я, желая въ немъ разобраться, незамѣтно уснулъ. Проснулся я только утромъ, разбуженный больничнымъ служителемъ, который трясъ меня за плечо, приглашая вставать. Я вскочилъ на ноги. Къ комнатѣ уже не было никого. Изъ коридора неся глухой шумъ. Служитель принесъ мнѣ какой-то бѣлый халатъ

и кожанья туфли. Я быстро одѣлся и вышелъ въ корридоръ. Тутъ было много народа: человекъ двадцать больныхъ стояли, сидѣли и ходили по разнымъ направлѣнїямъ. Всѣ были одинаково одѣты. Я сталъ присматриваться къ толпѣ. Нѣкоторые больные ходили попарно и что-то другъ другу рассказывали; другіе стояли кучками въ нѣсколько человекъ и оттуда часто слышался смѣхъ и говоръ; третьи уединились и предались сами себѣ: очевидно, что они жили въ какомъ то своемъ мїрѣ и все окружающее для нихъ не существовало. Вотъ какой то высокій худощавый больной съ лицомъ, похожимъ на іудейскаго пророка, избралъ мѣстомъ своимъ прогулокъ небольшой уголокъ корридора, энергично ходить взадъ и впередъ, странно жестикулируя длинными, худыми руками; губы его движутся, а изо рта вылетаютъ какіе-то неопредѣленные звуки... А вотъ другой—жирный, какъ откормленный боровъ, съ лицомъ налитымъ кровью, съ небольшими узкими глазами, зрачковъ которыхъ не видно, такъ какъ они зашли куда-то далеко въ лобъ, стоитъ на порогѣ раскрытыхъ дверей палаты, широко разставивъ ноги. Его большое тѣло и угрюмый грозный видъ всей фигуры напоминаютъ отчасти римскаго гладіатора, оцепенѣвшаго при видѣ страшнаго противника;—онъ, какъ истуканъ, стоитъ на одномъ мѣстѣ, ни одинъ мускулъ не дрогнетъ на его лицѣ; онъ годился бы для изображенія какого нибудь мионическаго божества, олицетворяющаго тупую, бессмысленную волю; если бы эту статую оживить искрой свѣта, она годилась бы въ помощники Вулкану. А вотъ третій: брюнетъ, небольшого роста съ тщательно зачесанными волосами и щеголевато закрученными усами, быстро и особенно энергично ходить изъ конца въ конецъ корридора; его черные глаза иногда презрительно и насмѣшливо останавливаются на встрѣчающихся ему по пути больныхъ; иногда его губы кривятся въ саркастическую злую улыбку и онъ шопотомъ произноситъ какія-то слова... «Пожалуйте въ залъ,—чай пить...» раздался, вдругъ, громкій голосъ служителя и въ это же время

двери зала распахнулись. Всѣ больные оживились и быстро направились къ дверямъ: мимо меня прошмыгнулъ Трубецкой, картинно изогнувшись, такъ какъ онъ подъ руку держалъ какого-то маленькаго пожилого человека—по типу еврея, который искоса посматривалъ на него своими хитрыми и въ одно и то же время то смѣющимися, то мечущими молніи плохо скрываемаго гнѣва глазами.—«Шейлокъ»... промелькнуло у меня въ головѣ. Я ожидалъ, пока не вышли всѣ больные; остался только іудейскій пророкъ, продолжавшій расхаживать изъ угла въ уголокъ, да жирный манекенъ, стоявшій съ закатившимися подъ лобъ глазами и широко раставленными ногами въ прежней позѣ. Къ нему подошелъ служитель и взялъ его подъ руку: манекенъ повернулся, какъ деревянный, не сгибая колѣнъ, и осторожно, какъ будто боясь провалиться, едва передвигая ногами, пошелъ за служителемъ. Я подошелъ къ пророку и дернулъ его за рукавъ; онъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія и, ни къ кому собственно не обращаясь, закинувъ голову и вперивъ тусклый взглядъ въ пространство, продолжалъ шептать:—«Чего вы отъ меня хотите?.. Я у васъ ничего не бралъ...» Я его еще сильнѣе дернулъ за рукавъ—«Ахъ, оставьте»... сказалъ онъ, не поварачивая ко мнѣ головы; онъ попытался выдергнуть свой рукавъ; потомъ, вдругъ, остановился, опять таки не глядя на меня, какъ будто бы я и не существовалъ для него и, повернувшись къ дверямъ, куда скрылись больные, поднялъ обѣ руки въ гору. Я пустилъ его рукавъ. Потянувшись всѣмъ тѣломъ, какъ будто хотѣлъ улетѣть, онъ вдругъ крикнулъ: «Развѣ такъ можно жить?... Ахъ, что вы мнѣ говорите... (Ему, конечно, никто ничего не говорилъ). Вы скоты... За что вы ихъ мучите?... Что они вамъ сдѣлали?»...—«Кто сдѣлалъ, кого мучать?»... обратился я къ нему. Онъ ничего мнѣ не отвѣтилъ и быстро пошелъ въ залъ, размахивая руками и произнося все такія же, неизвѣстно къ кому относящіяся, слова. Я послѣдовалъ за нимъ и тоже вошелъ въ залъ. Это была огромная

комната съ шестью или семью мраморными столами на чугунныхъ ножкахъ. Возлѣ столовъ на такихъ же ножкахъ съ деревянными спинками и сидѣньемъ стояли скамьи. Всѣ столы, кромѣ одного, были заняты больными, которые пили чай. Возлѣ каждаго стола сидѣло пять-шесть человѣкъ и передъ каждымъ изъ нихъ стояла чашка чаю, сахаръ и кусокъ бѣлаго хлѣба, около фунта. Всѣ они, кромѣ очень немногихъ, дружно ѣли и пили. На пустомъ столѣ, возлѣ котораго стоялъ здоровый и, повидимому, очень сильный служитель, находился огромный жестяной чайникъ, нѣсколько порожнихъ чашекъ, сахаръ и нарѣзанный кусками бѣлый хлѣбъ. — «Пожалуйте»... — увидѣвъ меня, кивнулъ мнѣ головою служитель. Онъ налилъ мнѣ чашку чаю, далъ два куска сахару и кусокъ булки. Я сѣлъ возлѣ одного столика, гдѣ было посвободнѣе, и сталъ пить чай. Какъ разъ противъ меня сидѣлъ красивый видный мужчина. На его лицѣ лежала печать какой то сосредоточенной строгости. Онъ былъ тщательно расчесанъ длиннымъ проборомъ посреди головы, отчего его вьющіеся волосы красивыми прядями спадали на высокій бѣлый лобъ. Выпивъ свой чай, онъ опрокинулъ стаканъ на блюдечко, важно привсталъ и началъ креститься, отвѣщая поклоны. Всмотриваясь въ его лицо, я вспомнилъ одного москвича подрядчика, который, безбожно наживаясь на подрядахъ, такъ же точно набожно крестился. Я что-то замѣтилъ довольно ѣдкое вслухъ своему сосѣду на счетъ его низкихъ поклоновъ. — «А твое какое дѣло?»... вдругъ накинулся на меня молящійся и остановилъ на мнѣ злой сверкающій взглядъ. Въ его небольшихъ выразительныхъ глазахъ вспыхивалъ желтый огонекъ. Будучи очень раздражительнымъ въ послѣднее время, я сразу оборвалъ его какой то колкой насмѣшкой, но не успѣлъ еще уловить впечатлѣнія, произведеннаго моими словами, какъ онъ, вдругъ, быстро подскочилъ ко мнѣ, и я почувствовалъ, что двѣ желѣзныя руки сжали мнѣ горло; расширенные зрачки его глазъ просто впивались въ меня, а лицо, которое онъ приблизилъ къ мо-

ему съ раздувшимися жилами на лбу, было, положительно, страшно; онъ издавалъ какое-то рычаніе и все сильнѣе сжималъ мнѣ горло. Какъ ужаленный, вскочилъ я съ мѣста и, оттолкнувъ его сильнымъ ударомъ обѣихъ рукъ въ грудь, бросился вокругъ стола; онъ за мной: не успѣли мы два раза объѣхать вокругъ стола, какъ къ намъ подскочили нѣсколько человѣкъ служителей; — трое изъ нихъ бросились къ моему противнику, а два ко мнѣ, причемъ одинъ изъ нихъ схватилъ меня за руку. Я выдернулъ свою руку, но въ это время раздался какой то страшный, ужасающій ревъ — скорѣе, можно было подумать о присутствіи какого-нибудь необыкновеннаго животнаго, чѣмъ допустить, что эти ужасные звуки издаетъ человѣкъ. Двое служителей бросились отъ меня къ моему противнику; въ этой кучкѣ, состоящей изъ пяти человѣкъ рослыхъ служителей и одного взбѣсившагося больного, сначала нельзя было ничего разобрать, но, послѣ короткой борьбы, прерываемой по временамъ страшнымъ стономъ, мой противникъ очутился на рукахъ у служителей и его понесли куда-то изъ зала. Я успѣлъ только замѣтить его пунцовое лицо съ раздувшимися жилами и закатившіеся подъ лобъ глаза. Сбоку у дверей стоялъ іудейскій пророкъ, который, смѣшно какъ-то вскинувъ вверхъ руками, прокричалъ вслѣдъ удалявшимся: «куда вы? куда вы его тащите?»... Въ это время мое вниманіе остановилъ на себѣ еще молодой господинъ, который быстро прошелъ мимо іудейскаго пророка, почти не обращая на него вниманія; его красивые сѣрые глаза пытливо останавливались на нѣкоторыхъ физіономіяхъ больныхъ, и тѣ, которые замѣчали эти взгляды, проводили его глазами, въ которыхъ сказывалась симпатія, развившаяся между больными къ ихъ доктору, такъ какъ господинъ этотъ былъ дѣйствительно докторъ, о чемъ я уже узналъ впоследствии. Его глаза остановились, наконецъ, на мнѣ; въ нихъ сверкнуло что-то въ родѣ любопытства, но они сейчасъ же приняли прежнее спокойно-пытливое выраженіе, и докторъ, не сводя съ меня глазъ,

быстро подошелъ. — «Здравствуйте, министр финансов!» — вдругъ, сказала онъ мнѣ, дружески протягивая руку; въ его глазахъ сверкнула иронія и губы немножко скривились. Я пожалъ слегка его руку и важно отвѣтилъ: «Я не министр финансовъ»... — «А кто-же вы такой?»... — «Увидите» — отвѣтилъ я съ ироніей и хотѣлъ вырвать свою руку изъ руки доктора; но рука его крѣпко держала мою, очевидно, не желая ее выпустить. — «Какъ васъ зовутъ?» спросилъ онъ меня. — «Какъ угодно!» отвѣчала я съ злобою, которая не прошла у меня еще послѣ недавней сцены съ больнымъ. Сѣрые добрые глаза доктора участливо остановились на мнѣ. — «Ну-съ!» — онъ положилъ мнѣ руку на плечо, «господинъ «Какъ—угодно», не хотите ли вы пройтись погулять?... А что же не пускаютъ до сихъ поръ на работы?»... обратился онъ, не ожидая моего отвѣта, къ молодому фельдшеру, стоявшему возлѣ него. Тотъ что-то ему отвѣчалъ. — «Пора, пора»... сказалъ докторъ, «ну-съ, пойдѣте»... обратился онъ ко мнѣ. Мы прошли черезъ небольшое отдѣленіе, гдѣ, очевидно, находились совершенно немощные больные, и вышли черезъ двери въ большой дворъ, въ разныхъ частяхъ котораго было уже много народа. Одни изъ больныхъ медленно прогуливались, другіе очень энергично расхаживали, третьи сидѣли кучками на скамьяхъ, обильно здѣсь разставленныхъ. Докторъ выпустилъ мое плечо. «Вотъ вамъ арена для дѣятельности», — сказалъ онъ, указывая рукою на большой дворъ; самъ же повернулся и быстро пошелъ въ другой конецъ двора. Я же, предоставленный самому себѣ, рѣшилъ осмотрѣть мѣстность и окружающихъ меня. Дворъ былъ большой, окруженный высокой оградой. Вдали величественно возвышалась водочка, которую я очень долгое время принималъ за какой то страшный казематъ, въ которомъ воютъ преступники. Гуляя по двору, я обсуждалъ новое положеніе: «случилось зло», думалось мнѣ; «враги мои не перестаютъ меня преслѣдовать и засадили въ какую то больницу». Я еще тогда не догадывался, что нахожусь въ такъ называемомъ «желтомъ домѣ». — «Кто

этотъ господинъ», думалъ я, «который такъ любезно обошелся со мною, назвавъ меня «министромъ финансовъ». — Вѣроятно какая нибудь знаменитость... Какъ онъ удивительно похожъ на француза. Усы, небольшая продолговатая борода, изящныя манеры—да онъ на самомъ дѣлѣ какой нибудь знаменитый французъ!»... Въ это время въ Россіи гостилъ извѣстный французскій поэтъ Поль Деруледъ, о чемъ мнѣ было извѣстно. «Не Поль Деруледъ ли это? Да, конечно, онъ... рѣшилъ я, другому некому и быть... Это какая то мистификація: это, быть можетъ, и не больница, продолжалъ я размышлять и люди здѣшніе не больные... тутъ что-то кроется и всему этому тайной причиною я самъ... Да, конечно, это не больные: вонъ идетъ Трубецкой подъ руку съ Шейлокомъ». Мнимый Трубецкой приближался ко мнѣ, привѣтливо улыбаясь, какъ старому знакомому; подъ руку онъ держалъ типичнаго, уже ранѣе замѣченнаго мною, еврея; оба были въ халатахъ. Трубецкой молодцовато перетянулся какой-то веревкой, собралъ складками въ талии халатъ и изобразилъ что-то въ родѣ черкески: не доставало только папахъ, патроновъ и кинжала за поясомъ. Въсто этого его колпакъ ухарски сбился на бокъ. — «Здравствуйте, Ваше Величество... Вамъ сдѣлать подъ козырекъ и стать во фронтъ?»... однимъ залпомъ выпалилъ Трубецкой, приблизившись ко мнѣ и вытянувшись по военному, отдалъ мнѣ честь. — «А это позвольте Вамъ представить: нашъ магнатъ—Горвиць... Онъ богачъ: у него всегда есть прекрасный табакъ или папиросы и хорошій обѣдъ». «Шейлокъ» хитро улыбнулся, услыхавъ эту рекомендацію, и протянулъ мнѣ руку; онъ былъ немного косою, и эти косые, хитрые глаза, въ которыхъ постоянно мѣнялось выраженіе, переходя отъ гнѣва къ внезапной радости, то смѣялись, то бросали молніи. Я теперь былъ окончательно убѣжденъ, что это «Шейлокъ» — «Кто этотъ господинъ?» спросилъ я Трубецкого, указавъ ему глазами на доктора, который въ другомъ концѣ двора расхаживалъ съ кѣмъ-то изъ больныхъ. — «Это... протянулъ Трубецкой, сверкнувъ

глазами, а вы еще его не знаете: это наш инквизитор... Великий Инквизитор... пояснилъ онъ, встрѣтивъ мой недомѣвлюющій взглядъ, знаете?»...— «Ага, вотъ кто! подумалъ я... Великий Инквизиторъ, а прикидывается такимъ добрякомъ», сказалъ я вслухъ.— «Да, это добрякъ», зло подхватила Трубецкой: «вотъ попадитесь къ нему въ лапы». Я отошелъ отъ Трубецкого и сталъ обдумывать все: въ моемъ воображеніи вихремъ пронеслись всѣ послѣднія событія:—инквизиторы, думалъ я; вотъ какія вещи дѣлаются въ тихомолку отъ суда человѣческаго. Это, значить, не больница, какъ раньше мнѣ казалось, это какой-то особый міръ, куда собраны всѣ знаменитости; всѣ великіе люди по какой-то слѣпой волѣ рока. Да... да... почти въ каждомъ проходящемъ мимо виденъ былъ не простой смертный: не успѣлъ я еще побыть здѣсь и двѣнадцати часовъ, а уже сколько узналъ интереснаго... Всѣ эти люди, напримѣръ: Трубецкой, Шейлокъ, Польш-Деруледъ и онъ-же Великий Инквизиторъ—все это какъ-то необычайно странно, но все это въ дѣйствительности существуетъ... А время?... шепталъ какой-то голосъ, развѣ оно не существуетъ? Вѣдь эти люди жили очень давно и уже сошли съ жизненной арены.—Ну, это пустяки, противорѣчилъ второй голосъ первому: за этими стѣнами тебѣ все врали; всѣ книги, которыя писались объ этомъ, только затуманивали тебѣ голову, чтобы лучше скрыть истину. Кругомъ неправда, несправедливость, и ты несчастная жертва людской злобы—теперь вотъ долженъ жить вдали отъ мирскихъ заботъ, въ какой-то инквизиторской колоніи... Кто я такой: великій ли потомокъ Рюрика или, быть можетъ, Бонапартъ?... Быть можетъ я тотъ отпрыскъ этого знаменитаго рода, въ которомъ соединились въ полной гармоніи всѣ громадныя качества души Бонапарта, и человѣчество въ испугѣ, чтобы я не пролилъ моря крови и слезъ, бросило меня въ руки инквизиціи. Но я отомщу, жестоко отомщу! О, дайте мнѣ только вырваться изъ вашихъ рукъ. Я восстановлю поцранныя права: мнѣ только лишь бы перешмыгнуть границу—и тогда... о,

берегитесь, мои мстители... Стоить мнѣ только явиться въ Берлинъ, Вѣну, Парижъ—сказать нѣсколько словъ, и все человѣчество броситъ все и пойдетъ за мной: я буду защитникомъ всѣхъ угнетенныхъ и бичемъ для угнетателей; эту инквизиторскую колонію я сотру съ лица земли и взорву на воздухъ весь городъ... Эти мысли были прерваны служителемъ, приглашавшимъ больныхъ къ обѣду. Обѣдъ былъ очень простъ и состоялъ изъ вареныхъ кусковъ говядины, борща или супа, смотря по желанію, и каши; послѣ обѣда намъ предложили отдохнуть, а часа въ четыре разбудили и выпустили опять во дворъ гулять. Я продолжалъ дѣлать свои наблюденія и оказалось, что къ вечеру я сдѣлалъ массу интересныхъ открытій, отчасти самъ, а отчасти съ помощью Трубецкого, который объяснилъ мнѣ, что въ колоніи есть двѣ партіи, враждебныя одна другой по цѣлямъ. Въ противной партіи, по его словамъ, былъ очень интересный сторожъ-старикъ, который, хотя и разыгрываетъ роль агнца, но въ сущности знаменитѣйшій преступникъ, совѣсть котораго запятнана многими злодѣянiami.

Кромѣ того здѣсь, дѣйствительно, какъ я и ожидалъ, были собраны многія знаменитости: Трубецкой показалъ мнѣ Тургенева, Некрасова, знаменитыхъ артистовъ и композиторовъ: Барона, Шуберта, Листа; гениальнаго преступника англичанина, выдумавшаго адскую машину; одного изъ великихъ князей, принадлежавшихъ къ моему роду, но изъ противной партіи. Вечеромъ насъ позвали пить чай; послѣ чая мы гуляли еще часа два—до ужина. Я былъ въ хорошемъ настроеніи, благодаря всѣмъ этимъ открытіямъ, и самъ началъ заинтересовываться жизнью инквизиторской колоніи. Я не терялъ надежды принести пользу многимъ изъ заключенныхъ и только ожидалъ случая, чтобы лучше приступить къ дѣлу. На другой день утромъ дежурный фельдшеръ спросилъ меня, не желаю ли я пойти на земляныя работы?—«На работы?»... переспросилъ я съ изумленіемъ. «Что-же это за работы?»—«А, вотъ, пойдете, такъ увидите», отвѣчалъ онъ съ улыбкой.—«Хорошо», сказалъ

я, мысленно рѣшивъ, что мнѣ не нужно ни отъ чего отказываться, чтобы самому все видѣть. — «Ивань!» крикнулъ фельдшеръ здоровенному сторожу, который занятъ былъ переборкой больничнаго бѣлья. — «Отведи ихъ туда—вотъ къ фельдшерской школь—пусть сносятъ кирпичъ въ женскій садъ». — «Что это за женскій садъ?» мелькнуло у меня въ головѣ — «не тамъ ли моя дульдина?» Надо знать, что я далеко не забылъ своей спутницы, съ которой приѣхалъ въ К..., и хотя въ моемъ воображеніи она занимала уже не первое мѣсто, но, вспоминая о ней, я еще разсчитывалъ съ нею свидѣться.

Зная, что судьба на каждый новый день припасаетъ мнѣ разные сюрпризы и неожиданности, я могъ предполагать необычайныя вещи, и въ самомъ дѣлѣ, если Некрасовъ и Тургеневъ, которые давно уже умерли, въ чемъ я былъ совершенно убѣжденъ, когда жили за стѣнами этой инквизиторской колоніи, вдругъ ожили и явились сюда, то почему же въ какомъ то женскомъ саду не быть той, которая плѣнила мое сердце. И такъ я со сторожемъ отправился на мѣсто работъ; мы прошли нашъ дворъ, потомъ еще какой-то застроенный кварталъ и, наконецъ, очутились возлѣ большого зданія, именуемаго фельдшерской школой. Въ углу двора возвышалась цѣлая гора стараго кирпича, который нѣсколько паръ больныхъ клали на носилки и носили въ женскій садъ. Тутъ я увидѣлъ Трубецкого, который, замѣтивъ меня, бросилъ свои носилки, подбѣжалъ ко мнѣ и сталъ шептать на ухо: «вы старайтесь жить въ мирѣ съ отцами инквизиторами—нашей администраціей—тогда васъ будутъ постоянно посылать сюда на работы: здѣсь есть очень хорошенькія... Меня уже знаютъ нѣкоторыя сестры милосердія... Вы съ кѣмъ будете носить кирпичъ? У васъ есть компаньонъ?» — «Нѣтъ еще», отвѣчалъ я и взглянулъ по сторонамъ. Влѣво, шаговъ въ пяти отъ меня, стоялъ больной и угрюмо смотрѣлъ на насъ. Въ чертахъ его лица мелькнуло что-то знакомое. «Да... да... знакомое... теперь я узналъ: передо мной стоялъ Кутузовъ». Вотъ его одинъ кривой, вытекшій глазъ, характер-

ный носъ и подбородокъ и брюзгое отекшее лицо... «И ты тутъ?»... подумалъ я. — «Это Кутузовъ?» спросилъ я Трубецкого. Трубецкой внимательно посмотрѣлъ на него и утвердительно кивнулъ головой. — «У насъ», отвѣчалъ онъ мнѣ, «зовутъ его Яшей; онъ сидитъ въ эпилептическомъ отдѣленіи; вы пригласите его работать—только будьте осторожниѣ—онъ сердитый!» — Сказавъ это, Трубецкой пошелъ къ своимъ носилкамъ. Я подошелъ къ Кутузову, продолжавшему угрюмо смотрѣть въ нашу сторону. — «Не желаете ли вы носить кирпичъ?» спросилъ я его. Онъ тусклымъ угрюмымъ глазомъ посмотрѣлъ на меня и съ замѣтнымъ малорусскимъ акцентомъ, спросилъ: «Что?» — «Носить кирпичи»... отвѣчалъ я громко. — «Ходимъ»... Онъ какъ то угрюмо мотнулъ головой и направился къ носилкамъ. Я пошелъ за нимъ. Мы положили кирпичъ и понесли въ женскій садъ, сопровождаемые сзади служителемъ, который присматривалъ за порядкомъ на работахъ. Мы вошли въ садъ. Нѣсколько паръ больныхъ складывали въ одномъ углу сада кирпичъ и, сложивъ, что было на носилкахъ, выходили за новымъ. Всѣ работали очень прилежно; ссоръ не было, такъ какъ для работъ въ женскій садъ выбирались больные, не отличающіеся буйными наклонностями. Садикъ былъ хорошенькій: чистыя, посыпанныя пескомъ, дорожки, подстриженные кусты и деревья, цвѣточныя клумбы—все это представляло очень красивый видъ; много скамеекъ, на которыхъ въ разныхъ позахъ сидѣли больныя женщины—въ бѣлыхъ чистыхъ халатахъ, подвязанныхъ такими же поясами. У нѣкоторыхъ халаты группировались въ красивыя складки, такъ что напоминали собой римскіе хитоны.

Я работалъ около часа, причемъ дѣлалъ наблюденія надъ новымъ для меня окружающимъ. Во время перерыва работъ ко мнѣ подошелъ Трубецкой. — «Посмотрите», обратился онъ ко мнѣ, «сколько женственной граціи у этой дѣвушки?» онъ указалъ мнѣ глазами на больную, которую я только теперь замѣтилъ. Я взглянулъ по указанному направленію: больная въ

нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ тихо бесѣдовала съ сестрой милосердія. Ея волосы, заплетенные въ двѣ толстыя косы, красиво очерченныя брови, правильный, чисто римскій носъ, голубые глаза, очень грустно смотрѣвшіе изъ полуопущенныхъ длинныхъ рѣсницъ, и нѣжный овалъ немного блѣднаго личика—производили большое впечатлѣніе. — «Какъ хороша! Какъ нѣжна!» думалъ я, пристально всматриваясь въ эти красивыя черты. «Она похожа на ту дѣвушку, съ которой я вмѣстѣ путешествовалъ». Въ эту минуту меня осянула совершенно новая мысль: мнѣ очень ясно представилось, что стоявшая противъ меня красавица—и есть именно моя дульцинея. Бѣшеная злоба, закипѣла во мнѣ: «Бѣдная дѣвушка», думалъ я, «какъ далеко тебя упрятали»... и съ крикомъ: «Это она!»—я бросился черезъ цвѣточную клумбу прямо къ больной. Въ этотъ моментъ чьи-то сильныя руки, схватившія меня сзади, принудили меня остановиться на полѣ-дороги; я съ силою рванулся, но ничего не могъ сдѣлать: два здоровыхъ служителя держали меня очень крѣпко, напрягая все усилія. Въ это время почти надъ самымъ моимъ ухомъ кто-то крикнулъ: «Ведите его въ буйное отдѣленіе!» — Я поднялъ голову и увидѣлъ надъ собою злое, красное лицо съ торчащими усами; это лицо принадлежало какъ оказалось послѣ, нашему надзирателю. Я хотѣлъ было оказать энергичный протестъ, но раздумалъ, тѣмъ болѣе, что «буйное отдѣленіе» было для меня «terra incognita», о которой я еще не составилъ себѣ понятія. Мы пошли обратно въ наше старое зданіе; прошли половину знакомаго корридора и повернули направо. Въ концѣ корридоръ заканчивался низкой, вдѣланной въ стѣну, дверью, къ которой вело нѣсколько ступенекъ. Дверь растворилась, и я очутился въ длинной большой комнатѣ. У стѣны прямо на полу лежало нѣсколько тюфяковъ съ одѣялами и подушками; два или три тюфяка были заняты больными. Кожанный диванъ, большой съ мраморной доской круглый столъ, стоявшій у стѣны, нѣсколько шкафовъ съ больничнымъ бѣльемъ и пожитками слу-

жителей—составляли всю мебель. Въ стѣнѣ, противоположной входу, находилось три двери: двѣ изъ нихъ были плотно закрыты; дверь же посрединѣ была широко растворена, что давало возможность видѣть большую комнату, съ однимъ только огромнымъ окномъ, вдѣланнымъ въ потолокъ и освѣщавшимъ сверху. Въ комнатѣ стоялъ большой кожаный диванъ и глухой столъ безъ ножекъ, прибитый къ полу; на диванѣ расположились трое больныхъ въ позахъ, какія были каждому изъ нихъ по вкусу. Худощавый брюнетъ, повидимому еврей, стоялъ во весь ростъ на диванѣ; лѣвая рука его была энергично вытянута впередъ, правой, дрожавшей отъ напряженія, онъ водилъ въ воздухѣ, думая, вѣроятно, что играетъ на скрипкѣ; изъ горла его вылетали хриплые звуки кафе-шантанной пѣсни, довольно извѣстной, начинавшейся словами: «Ма-а-шенька, ду-у-шенька... прійди къ намъ и т. д.». Жидокъ страшно увлекался исполненіемъ, подавался всемъ корпусомъ впередъ, вытягивалъ какъ-то странно губы и особенно отчетливо и съ удареніемъ произносилъ слова: «Ма-а-шенька... ду-у-шенька». Второй больной, поджавъ ноги, сидѣлъ на диванѣ и тоже пѣлъ, стараясь во всемъ подражать еврейчику; лицо его все время улыбалось, глаза свѣтились безсмысленнымъ довольствомъ. На первый взглядъ, казалось, что онъ чѣмъ то очень обрадованъ, и потому улыбается; третій больной, свѣсившись всемъ тѣломъ съ дивана, насколько позволяла ему длина туловища, лазилъ по полу своими пѣпкими, жилистыми руками, стараясь схватить окурокъ папиросы, который, повидимому, очень его соблазнялъ. Наконецъ, ему это удалось; онъ съ выраженіемъ великаго торжества повелъ вокругъ своимъ единственнымъ глазомъ, и съ безпокойствомъ устремилъ взоръ на служителей. Убѣдившись, однако, что на него никто не обращаетъ вниманія, больной сѣлъ опять на диванъ, вынулъ изъ за ворота рубахи спичку и, осторожно закуривъ папиросу, еще осторожнѣе началъ пускать изо рта тонкія струйки табачнаго дыма. Его лѣвый глазъ постоянно боязливо и лукаво взглядывалъ въ ту сторону, гдѣ

сидѣли три здоровыхъ служителя, составлявшихъ настоящую и главную администрацію «буйнаго отдѣленія». Одинъ изъ нихъ очень красивый съ виду и, вѣроятно, самый сильный изъ нихъ, замѣтилъ дымъ въ той комнатѣ, гдѣ находились больные; онъ быстро всталъ и пошелъ туда. Курившій засуетился и зажалъ въ рукѣ папиросу. — «Ты що робышь?»... чистымъ малорусскимъ акцентомъ, спросилъ служитель больного. Тотъ удивленно смотрѣлъ на него, молчалъ и только хлопалъ вѣкомъ. Раздалась звонкая пощечина. «Не буду, ей богу не буду... взмолился больной. — «То то же не буду... а якъ одвернусь, опять за свое»... и новая затрепина огласила воздухъ. «Ой, ой»... простоналъ больной, схватившись рукою за ударенное мѣсто. — «А ты чего ногою дрыгаешь?»... накинудся служитель на жидка: «Сядь»... Жидокъ еще больше выпучилъ глаза, вытянулъ губу и еще выразительнѣе заплѣлъ, какъ бы поддразнивая служителя: «Ма-а-шенька... ду-у-шенька»... Голубоглазый больной съ бессмысленной физиономіей аккуратно повторялъ все: движенія и слова служителя и обоихъ больныхъ, причемъ тѣ слова, которыя почему либо болѣе поражали его ухо, онъ говорилъ нараспѣвъ, хриплымъ голосомъ и на очень грустный ладъ: получался какой то странный хаосъ изъ недоконченныхъ фразъ и ничего незначащихъ словъ. — «Сядь: кажу тобі»... крикнулъ служитель и, схвативъ жидка за руку, сильно пригнулъ его къ дивану. — «Ну со ты... со ты... я тебе не займаю», заволновался жидокъ. — «Ну со ты, со ты. Я тебѣ не займаю», на распѣвъ проговорилъ за нимъ, какъ машина, больной съ бессмысленными глазами. — «А ты мовчы, Гордію»... наставительно, уже безъ раздраженія въ голосѣ обратился къ нему служитель. — «А ты мовчы, Гордію... чого жъ ты не мовчышь... ой Гордію... Гордію»... заплѣлъ больной... — «Да, мовчы-жъ, мовчы, а то бытуму»... уже построже крикнулъ служитель. — «Ой мовчу-жъ, мовчу... тыльки не быйсь»... въ первый разъ полупроплѣлъ онъ разумную фразу... — «Ну, тыхо-жъ мени сидитъ. Ша!.. «служитель грозно посмотрѣлъ на всѣхъ троицъ,

погрозилъ пальцемъ и медленной походкой направился къ товарищамъ, которые никакого вниманія не обращали на всю эту сцену. Жидокъ сейчасъ же притихъ и какъ затравленный звѣрекъ сидѣлъ, съжившись, и бросалъ косые взгляды на служителей; больной, битый за папиросу, тоже смиренно сидѣлъ въ углу на диванѣ; одинъ только Гордію, хватая на лету кой-какія слова, доходившія до него слова изъ разговора служителей, и, прибавляя къ нимъ свою собственную композицію, плѣлъ голосомъ, похожимъ на завываніе деревенской бабы надъ мужемъ покойникомъ или другимъ близкимъ человѣкомъ. — «Мовчы-жъ Гордію!»... крикнулъ ему еще разъ служитель. «Мовчы-жъ Гордію», заплѣлъ тотъ... «ой дежъ ты бувъ? ой якъ бувъ тамъ де нѣма... Щожъ у тебѣ іе? У менѣ іе дви коровы, три вивци»... и затѣмъ шла уже совсѣмъ бессмысленная болтовня. Удивленный всѣмъ видѣннымъ и раздраженный сценой обращенія съ больными, я прилежъ на тюфякъ, закинувъ руки подъ голову, и скоро заснулъ. Проснулся я отъ какого-то страшнаго шума, выходившаго изъ за закрытой двери, которая была напротивъ: слышно было, что въ комнатѣ за дверью кто-то очень сильно бѣгалъ, неистово при этомъ гикая; нѣсколько разъ онъ кому-то грозилъ и дикимъ голосомъ кричалъ: «отоприте, отоприте»... Служителя не обращали на все это никакого вниманія и о чемъ-то переговаривались между собою. Я проспалъ, вѣроятно, очень долго, потому что уже вечерѣло; скоро зажгли лампу и принесли вечерній чай. Такъ какъ чай ранѣе пили въ общихъ палатахъ, а затѣмъ приносили въ наше отдѣленіе, то служителя совершенно не заботились о томъ, чтобы приносить чайныя чашки чистыми и намъ наливали чай, даже не выполаскивая ихъ. Такъ было и на этотъ разъ. Я замѣтилъ служителя, который наливалъ чай, что не привыкъ пить изъ немыхъ чашекъ. — «Не привыкъ, — такъ привыкай»... отвѣтилъ онъ грубо. «Болванъ ты, скотина»... вскипятился я; «ты долженъ вымыть чашку, когда тебѣ говорятъ»... но не успѣлъ я кончить этой фразы, какъ почувствовалъ, что мнѣ сзади страшно

сдавили горло, такъ что я не могъ дышать, потомъ приподняли на воздухъ, причеъ такъ круто повернули корпусъ, что у меня гдѣ-то хрустнуло, и, наконецъ, сильный ударъ кулакомъ, немного повыше желудка, привелъ меня въ безсознательное состояніе. Когда я очнулся, то сразу не могъ себѣ представить, гдѣ я нахожусь и что со мною случилось: я чувствовалъ, что лежу на голомъ холодномъ полу, кругомъ меня страшный мракъ. Припомнивъ съ трудомъ кое-что изъ случившагося со мною, я приподнялся на ноги: у меня страшно при этомъ закружилась голова и во всемъ тѣлѣ я ощутилъ какую-то слабость. Я сталъ ощупью пробираться въ темнотѣ: руководящей точкой мнѣ служилъ свѣтъ, который гдѣ-то вверху пробивался чуть замѣтной полоской. Я скоро ощупалъ руками что-то отвѣсное въ родѣ стѣны; сначала я подумалъ, что это стѣна, но, ощупавъ руками, замѣтилъ, что она въ ширину имѣетъ не болѣе двухъ аршинъ и покато спускается боковыми сторонами уже, очевидно, на стѣну, такъ какъ подъ руками было холодное ровное мѣсто. Полоска свѣта находилась на высотѣ аршина надо мной; мнѣ пришло въ голову, что это особымъ образомъ устроенная дверь; я приложилъ ухо и, дѣйствительно, до моего слуха долетѣлъ какой-то неясный гулъ. Тогда я началъ стучать, что было мочи, но усилія эти пропадали безъ всякаго результата, такъ какъ мои удары попадали въ мягкое мѣсто, не производя почти никакого шума; тогда я отошелъ назадъ и, разогнавшись изо всей силы, хватилъ плечомъ въ дверь... Она немного подалась; я ожидалъ, что будетъ, но, по прежнему, никто не отзывался. Я закричалъ, что было силъ. Это, очевидно, повліяло, такъ какъ черезъ нѣсколько минутъ раздались шаги, которые все слышались явственнѣе; но вотъ кто-то подошелъ, скрипнулъ засовъ и дверь распахнулась. Меня сразу ослѣпилъ потокъ свѣта, бросившійся въ глаза; я закрылъ ихъ рукою, а когда открылъ, то увидѣлъ, что нахожусь въ буйномъ отдѣленіи; увидѣлъ ненавистныя фізіономіи служителей и понялъ, что во время обморока я просто былъ брошенъ въ ту комнату, дверь которой впродолженіе дня была

заперта; теперь, при свѣтѣ огня, я могъ замѣтить, что дверь съ внутренней стороны была обита кожею, такъ что представляла собою выпуклость, вымоценную какимъ-то тряпьемъ въ срединѣ. — Это, дѣйствительно, было очень хитро придумано, такъ какъ такую дверь почти не было возможности отворить больному: она парализовала всякія усилія и надо было имѣть чудовищную силу, чтобы открыть такую дверь. За такой же точно дверью неизвѣстный человѣкъ, о которомъ я уже раньше говорилъ, не переставалъ бѣгать и глухимъ голосомъ выкрикивать. Не глядя на противныя мнѣ фізіономіи служителей, я подошелъ къ своему тюфяку, находившемуся какъ разъ противъ двери безпокойнаго сосѣда, и растянулся во всю длину. Я обвелъ глазами все комнаты: больные, вѣроятно, уже спали, такъ какъ всюду было тихо; одинъ Гордій по временамъ затыгивалъ только какую-то безконечно грустную, бессмысленную пѣсню. Я размышлялъ о всемъ случившемся со мною, и тогда мнѣ вспомнились жалобы Трубецкаго, котораго, какъ онъ передавалъ мнѣ, хотѣли утопить въ ваннѣ въ силу какихъ-то инструкцій. Такъ вотъ они эти инструкціи: вѣроятно, существуетъ приказаніе и на мой счетъ... подумалъ я, но въ это время раздался сильный ударъ въ дверь и вслѣдъ за нимъ трескъ. Два служителя поспѣшно бросились къ двери моего сосѣда, но ударъ еще сильнѣе перваго предупредилъ ихъ: дверь распахнулась и на порогѣ передъ нашими глазами предсталъ совершенно нагой атлетъ лѣтъ двадцати; сильное мускулистое сложеніе тѣла, широкая, хорошо развитая грудь, и огромный ростъ обнаруживали въ немъ большую силу. Волоса его были всклокочены, глаза лихорадочно бѣгали по сторонамъ. — «На что вы меня заперли?».. спросилъ онъ у служителей хриплымъ голосомъ... «А»?.. — онъ это «а» такъ произнесъ, что я невольно вздрогнулъ. — «Ну, будэ... будэ... Грицько... Иды соби... иды»... сказалъ ему служитель; служителя, очевидно, боялись его и потому были съ нимъ очень вѣжливы. Такъ какъ онъ вышибъ дверь вмѣстѣ съ желѣзнымъ засовомъ,

то его перевели въ ту комнату, гдѣ лежалъ я въ обморокѣ и заперли тамъ. Онъ сейчасъ же принялся бѣгать и гикать, что, повидимому, доставляло ему большое удовольствіе. Пробыло десять часовъ: двое служителей ушли спать, а одинъ остался на дежурствѣ; онъ немного уменьшилъ свѣтъ въ лампѣ и самъ прилежъ на кожаный диванъ. — «А, собака», подумалъ я, «вотъ ты уснешь, а я тебя задую, а самъ уйду... удеру изъ этой инквизиторской колоніи, гдѣ нельзя ручаться ни за одинъ свой шагъ и на каждомъ мѣстѣ надо ожидать опасности... Спи... спи... мой другъ... что ты почувствуешь въ моихъ цѣпкихъ объятіяхъ, когда тебѣ нельзя будетъдохнуть, какъ мнѣ сегодня въ вашихъ рукахъ?... А когда ты вытянешься въ послѣдней предсмертной агоніи, тогда я выпущу изъ рукъ твой трупъ, сниму съ тебя одежду, одѣну ее и выльзю черезъ эту желѣзную рѣшетку подъ сводъ того синяго неба, усѣяннаго звѣздами, которое такъ и манитъ меня къ себѣ... Наконецъ-то я вздохну полной грудью, послѣ долгихъ мученій, свободного воздуха»... Я уже было поднялся на ноги, чтобы незамѣтно подкрасться къ служителю, какъ вдругъ, въ корридорѣ по направленію къ нашимъ дверямъ послышались шаги. Заснувшій было служитель быстро вскочилъ на ноги и проворно отперъ дверь. Вошелъ дежурный фельдшеръ. — «Ну, что у васъ все благополучно?».. — «Ничего, слава Богу»... — быстро отвѣчалъ служитель, не моргнувши глазомъ. — «А вы почему не спите?».. обратился ко мнѣ фельдшеръ, замѣтивъ мой пытливый взглядъ, устремленный на него. — «Я думаю»... «Что-же вы думаете?»... — «Много ли вмѣщается мозга въ вашей глупой головѣ?»... Онъ ни слова не сказалъ мнѣ, поморщился и вышелъ. Служитель заперъ за нимъ дверь и опять улегся. — «Засыпай... засыпай, думалъ я, а проснешься въ объятіяхъ смерти». Не знаю, чѣмъ бы это все кончилось, если-бы я самъ внезапно не уснулъ и не проспалъ вплоть до самаго утра. Меня разбудилъ служитель. Я открылъ глаза и оглянулся: яркій солнечный свѣтъ заливалъ всю комнату; въ отворенныя окна черезъ рѣшетку

врывался ароматный майскій воздухъ; голубое небо, край котораго виднѣлся въ окно, манило къ себѣ своей бездонной глубиною. За большимъ столомъ сидѣли всѣ больные, прихлебывая чай съ булкой. — «Чай пить!» лаконически предложилъ мнѣ служитель, наливая чашку чая и подсунувъ ее вмѣстѣ съ большимъ ломтемъ бѣлаго хлѣба къ краю стола, тамъ, гдѣ было свободное мѣсто. Я молча приподнялся и въ это время замѣтилъ, что дверь моего вчерашняго сосѣда открыта. Я подошелъ ближе и заглянулъ туда: онъ причесанный, умытый и уже одѣтый въ чистое больничное бѣлье сидѣлъ на кожаномъ диванѣ и пилъ чай; по временамъ онъ ставилъ блюдечко на стоявшій тутъ-же столикъ, обводилъ все еще лихорадочными глазами всю комнату и, поднимая очень торжественно руку вверхъ, складывалъ перстомъ пальцы и кому-то повидимому грозилъ, увѣщевая при этомъ неизвѣстнаго, что: «такъ нельзя дѣлать... Богъ накажетъ»... На блѣдномъ лицѣ его замѣтна была страшная усталость; оно все осунулось; глаза ввалились, рѣзко очерчиваясь синими кругами. Я умылся и сѣлъ за чай. Вспоминая свое вчерашнее намѣреніе бѣжать, предварительно задушивъ дежурнаго служителя, котораго сейчасъ не было съ нами, я очень сожалѣлъ, что неожиданно уснулъ, упустивъ случай. Печаль моя, впрочемъ, скоро прошла, такъ какъ хорошій день сулилъ мнѣ много пріятнаго времени для того, чтобы осмотрѣть мѣстность, старательно обдумать планъ побѣга и выбрать болѣе подходящее время для его исполненія. Черезъ часъ двери моего заключенія растворились и вошелъ докторъ въ сопровожденіи двухъ фельдшеровъ. Увидѣвъ меня, онъ привѣтливо протянулъ мнѣ руку и участливо проговорилъ: «Здравствуйте. За что это вы сюда попали?» — «Не знаю»... отвѣчалъ я. Докторъ взялъ меня за руку и повелъ за собою; онъ останавливался возлѣ каждого больного. Сдѣлавъ должныя наставленія фельдшерамъ, онъ вывелъ меня за собою изъ буйнаго отдѣленія, что снимало съ меня опалу и давало право наравнѣ съ прочими пользоваться преимуществами общежитія

больныхъ не буйнаго характера. Въ корридорѣ возлѣ сторожки служителя толпились больные, которымъ раздавали табакъ и фуражки. Это было время, назначаемое для гулянія и работъ до обѣда. Получающіе табакъ должны были непремѣнно отправляться на работы; уклонявшихся-же служителя замѣчали и лишали ихъ на слѣдующій разъ порціи табаку, очень плохого, впрочемъ, качества, что для многихъ было, конечно, крупнымъ лишеніемъ. Получивъ порцію табаку, я съ партіей больныхъ отправился на работу, которая состояла въ томъ, чтобы накладывать на носилки свѣже-выкопанную землю и выносить ее потомъ изо рва, предназначавшагося для фундамента какой-то новой постройки. Все время за работами я рисовалъ себѣ разные планы побѣга, но ни на одномъ не могъ остановиться, такъ какъ считалъ ихъ не совсѣмъ удобоисполнимыми. Наконецъ, насъ позвали обѣдать, а послѣ обѣда наступилъ желанный отдыхъ; мою постель въ маленькой комнатѣ, гдѣ я находился вмѣстѣ съ Трубецкимъ, отдали какому-то новому больному; мнѣ же отвели мѣсто въ общей большой палатѣ съ громадными окнами. Въ этой комнатѣ находилось десятка два кроватей. Возлѣ каждой изъ нихъ стояло по круглому столику, неизвѣстно для чего предназначавшемуся. Я остался очень доволенъ осмотромъ комнаты: ея величина, чистота и масса свѣта, входившая въ окно, очень мнѣ нравились. Внимательнѣе осмотрѣвъ устройство оконъ, я сразу рѣшилъ, что это самое удобное мѣсто для побѣга; окна были широкія—больше двухъ аршинъ; въ вышину же аршина три, такъ что, ставъ на подоконникъ, едва только можно было достать головою форточку, которая находилась сверху и устроена была не совсѣмъ обыкновенно: она отворялась не съ боку, а отпадала сверху внизъ и, такимъ образомъ, будучи открытой, висѣла параллельно съ поломъ; устроена она была, какъ разъ посрединѣ, въ верху окна. Черезъ эту форточку я и намѣрился ночью вылѣзть, такъ какъ отверстіе въ форточкѣ было настолько велико, что, хотя и съ трудомъ, но все-же, по моему сообра-

женію, можно было въ него просунуть туловище и спуститься, такимъ образомъ, внизъ головою, а такъ какъ окно съ наружной стороны было защищено желѣзными полосами, то я и думалъ, придерживаясь за эти полосы, спуститься до подоконника, а затѣмъ уже до земли оставалось аршина два съ половиною, и при удачномъ прыжкѣ я могъ попасть какъ разъ въ средину цвѣточной клумбы. Затѣмъ надо было перелѣзть чугунную ограду, чтобы не возбудить бдительности сторожа, дремавшаго ночью у воротъ,—и я былъ свободенъ... А за этими стѣнами цѣлый міръ открывалъ для меня широкія объятія и мое появленіе всюду должно было вызвать восторгъ и слезы умиленія. Куда я направлюсь послѣ освобожденія, я еще не рѣшилъ, такъ какъ хотѣлъ обдумать все на свободѣ. Оставалось ожидать вечера и того пріятнаго момента, когда больные пойдутъ спать, а въ длинномъ корридорѣ, полуосвѣщенномъ висячими лампами, останется одинъ служитель. На вечернія работы я не пошелъ, а остался гулять во дворѣ съ нѣкоторыми больными; время, проведенное за обдумываніемъ плана побѣга, шло быстро, и желанный вечеръ приближался; наконецъ, больныхъ позвали ужинать, а послѣ ужина черезъ полчаса предложили идти спать; первый разъ я охотно послѣдовалъ этому приглашенію и, желая подать хорошій примѣръ остальнымъ, не медля отправился и легъ на свою койку. Около получаса больные возились: кто разговаривалъ, а кто ворочался съ боку на бокъ; но вотъ мало по малу все затихло. Я прислушался; кажется, всѣ спали; моя кровать стояла возлѣ самаго окна; форточку, какъ нарочно, забыли запереть и свѣжій бодряцій воздухъ, врываясь въ комнату, какъ-то особенно возбуждающе на меня дѣйствовалъ. Осмотрѣвшись еще разъ кругомъ, я лихорадочно принялся за работу: всю свою одежду я связалъ вмѣстѣ, потомъ тихонько вскочилъ на подоконникъ и выбросилъ связку за окно;—оказалось, что подняться къ отверстию и вылѣзть въ форточку, при помощи однѣхъ только рукъ, нѣтъ никакой возможности: надо было подставку; взглянувъ внизъ,

я обратилъ вниманіе на чугунный столикъ и тотчасъ же рѣшилъ имъ воспользоваться! Я слѣзъ съ окна, сдернулъ съ кровати одѣяло, сложилъ его сначала вчетверо и положилъ на подоконникъ, чтобы смягчить такимъ образомъ шумъ, могущій произойти отъ постанки на немъ столика. Затѣмъ я осторожно приподнял довольно тяжелый столикъ и установилъ его на подоконникъ; четверть работы была сдѣлана — оставалось самое трудное — вылѣзть въ форточку и спуститься внизъ головою. Я на минуту оставилъ свою работу, прокрался тихонько къ двери и взглянулъ въ корридоръ; въ корридорѣ на лавкѣ сидѣлъ служитель и дремалъ; часы пробили половина двѣнадцатаго. — «Пора», — подумалъ я и направился къ окну... Я осторожно влѣзъ на столикъ и приподнялся къ отверстию форточки. Высунувъ голову, я жадно вдыхалъ чистый воздухъ; горюдь, лежащій передо мною, еще горѣлъ огнями; откуда то доносилась музыка. — «Вотъ она свобода...» подумалъ я и налегъ на форточку. Вылѣзть было чрезвычайно трудно, такъ какъ отверстіе было немного узковато; я налегъ рукою на стекло и сдѣлалъ усиліе, чтобы просунуться. Послышался рѣзкій звукъ лопнувшего куска толстаго стекла и осколки зазвенѣли по полу. Не успѣлъ я хорошо сообразить, въ чемъ дѣло, какъ двѣ пары сильныхъ рукъ сняли меня съ окна и понесли изъ палаты. По дорогѣ я успѣлъ только замѣтить смущенное и недовольное лицо дежурнаго фельдшера и злые взгляды несшихъ меня служителей. Двери буйнаго отдѣленія раскрылись передо мною вторично. Служители внесли меня и небрежно бросили на тюфякъ; одинъ изъ нихъ, прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться, ударилъ меня съ размаху кулакомъ выше желудка. У меня захватило духъ. Я хотѣлъ крикнуть и не могъ, хотѣлъ встать на ноги — ноги не слушались. Безсильная злоба кипѣла во мнѣ и слезы боли и негодованія потекли по щекамъ. Черезъ нѣсколько минутъ мнѣ сдѣлалось легче: я могъ свободнѣе дышать. Снѣдаемый оскорбленнымъ самолюбіемъ, получивъ вмѣсто свободы ударъ кулакомъ и койку въ буйномъ

отдѣленіи, я долго ворочался съ боку на бокъ и, наконецъ, забылся тяжелымъ сномъ. Проснулся я позднимъ утромъ; скоро пришелъ докторъ; я просилъ его выпустить меня изъ буйнаго отдѣленія. — «Вамъ теперь нельзя такъ скоро выйти отсюда: дня три-четыре придется посидѣть». — «А, такъ вотъ какъ, перебилъ я его — правду говорили, что вы великій инквизиторъ; теперь я самъ вижу, что вы гораздо хуже Торквемадо. Мало того, что вы лишили меня свободы, отняли у міра челоуѣка, готоваго пролить кровь за истину... вы держите меня среди какихъ-то идиотовъ, думая, такимъ образомъ, вѣроятно, убить у меня всякую Божью искру». Я пришелъ въ страшный азартъ. Докторъ ухмылялся, слушая меня, и ушелъ. Пришлось сидѣть въ «буйномъ отдѣленіи». Отъ нечего дѣлать я обратилъ вниманіе на Гордія, который по роду болѣзни былъ просто идиотъ, и потому, не имѣя своего ума, подражалъ во всемъ другимъ. Эта странность его болѣзни меня удивляла... Я нарочно сядился возлѣ него и начиналъ что нибудь говорить... онъ слово въ слово все повторялъ за мною, я поднималъ руку, поднималъ и Гордій, я закидывалъ голову, закидывалъ и онъ, я, наконецъ, высовывалъ языкъ, высовывалъ и Гордій. Тогда у меня мелькнула мысль, что этого автомата можно приручить къ себѣ, заставить его покориться своей волѣ. Цѣлымъ рядомъ усилій, угрозъ и пинковъ мнѣ удалось заставить его болѣе или менѣе меня слушать; я, на примѣръ, самъ сидя, заставлялъ его вставать, дѣлать три шага впередъ и возвращаться назадъ. Вѣроятно, у него въ это время являлись небольшіе проблески воли, хотя фізіономія его никогда ничего не выражала, кромѣ безсмысленной улыбки; когда ему больные или служителя давали пинки, ротъ его грустно кривился. Подученный, впрочемъ, больнымъ или служителемъ, онъ отправлялся къ слабѣйшему больному и, непремѣнно что нибудь припѣвая, принимался его тормошить; продѣлывалъ онъ это все очень вяло, безъ всякой энергіи... Такъ вотъ, когда я сидѣлъ возлѣ Гордія и заставлялъ его молчать или безостановочно кивать пальцемъ,

двери нашего отдѣленія вдругъ открылись и на порогѣ, подталкиваемыи двумя служителями, появился еврей Горвиць, котораго я считалъ воскресшимъ Шейлокомъ. Онъ былъ, очевидно, взбѣшенъ чѣмъ-то до послѣдней степени: его косые глаза метали искры, возлѣ угловъ рта выступила пѣна, онъ былъ блѣденъ и, задыхаясь, ругался; его къ намъ втолкнули и заперли за нимъ дверь. Онъ быстро ходилъ изъ угла въ уголъ, потомъ немного успокоился, сѣлъ, вынулъ изъ кармана кисеть и сдѣлалъ папиросу; его глаза оглядывали всѣхъ изъ подлбья съ самымъ хищнымъ выраженіемъ. Ко мнѣ онъ не обращался, хотя и былъ со мною знакомъ. Я подошелъ къ нему и сказалъ: «Здравствуйте, что это и васъ сюда?» — «Что?»... закричалъ онъ вдругъ. — «А тебѣ какое дѣло?»... Къ нему вернулось его прежнее бѣшенство. — «Ахъ ты, скотина», сказалъ я ему, «я подошелъ съ тобою поздороваться, а ты орешь»... Во время этой сцены изъ служителей никого не было. Желая окончательно взбѣсить еврея, я отозвалъ Гордія въ сторону и приказалъ ему снять съ ноги туфлю. Гордій безпрекословно исполнилъ. — «Ты видишь лысую голову этого жида?»... спросилъ я строго Гордія, указывая рукой на голый черепъ Горвица. — «Вижу»... отвѣчалъ Гордій. — «Ну, такъ ступай къ нему съ этой туфлей и ударь его по лысинѣ — понимаешь?»... — «Понимаешь»... скопировалъ Гордій. — «Ну, ступай-же»... — «Ну ступай-же», затащилъ Гордій и, высоко поднявъ туфлю надъ головою, заковылялъ къ Горвицу; по дорогѣ онъ шѣлъ: «Ну ступай-же, ступай Гордію — ударь его по лысинѣ»... Горвиць, принявъ оборонительную позу съ выраженіемъ ужаса и ненависти, расширенными зрачками окидывалъ Гордія. Гордій торжественно, медленно приближался; но вотъ Горвиць издалъ какой-то вопль: «Меня?... Бить?»... прорычалъ онъ, какъ раненный звѣрь. — «Меня?... Бить?»... повторилъ за нимъ автоматически Гордій и размахнувшись, ударилъ его подошвой туфли по лысинѣ. Еврей заревѣлъ и быстро замахалъ руками. Гордій продѣлывалъ тоже самое — поднялся ужасный гвалтъ; не зная, какъ отдѣлаться

отъ своего врага, Горвиць круто повернулъ и, сдѣлавъ ловкій для своихъ лѣтъ прыжокъ, очутился на столѣ. Гордію это было труднѣе исполнить, такъ какъ одна нога его была короче другой и онъ ею не доставалъ земли. Гордій съ большимъ трудомъ полѣзъ на столъ. Но въ этотъ моментъ двери быстро распахнулись и вошелъ фельдшеръ. — «Это что такое?» крикнулъ онъ. «Что за шумъ?»... Картина не была лишена комизма: маленькій лысый Горвиць стоялъ взбѣшенный, выпрямившись въ угрожающей позѣ на столѣ; Гордій же находился въ полувисячемъ положеніи, такъ какъ верхняя часть его туловища покоилась на столѣ, а нижняя висѣла. Въ это время вошелъ служитель. — «Ты зачѣмъ это смотришь?» строго спросилъ его фельдшеръ. — «Тутъ драка, а тебя нѣтъ... Возьми вотъ этого», онъ указалъ рукою на Горвица, «и запри, а ты ступай на мѣсто!» обратился онъ къ Гордію. Еврея заперли. Я все время хохоталъ отъ души. — «Это, вѣроятно, вы все подстроили?»... спросилъ меня фельдшеръ. — «Я васъ знаю — вы мастеръ штуки откалывать»... — «Убирайся вонъ, дуракъ!.. Я не намѣренъ отдавать тебѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ», трубо крикнулъ я фельдшеру. Онъ ушелъ. На другой день меня выпустили изъ буйнаго отдѣленія, при чемъ докторъ взялъ съ меня слово, что я больше не буду пытаться убѣжать, и обѣщаль мнѣ, что если въ теченіе послѣдняго мѣсяца я буду вести себя хорошо, то мнѣ возвратятъ свободу. Мысль, что я получу эту желанную свободу, стала меня останавливать въ нѣкоторыхъ порывахъ: я, напримѣръ, впродолженіе дня два-три часа шѣлъ; въ этихъ пѣсняхъ выливалось все мое чувство: и обида заточенія, и неудовлетворенное самолюбіе, и надежда на будущее, которое рисовалось въ моемъ воображеніи въ самыхъ яркихъ краскахъ. За эти концерты мнѣ начальство часто дѣлало выговоры; я началъ съ того, что въ одинъ прекрасный день совершенно прекратилъ пѣть и съ тѣхъ поръ я уже ни разу не раскрывалъ рта для пѣсни. Съ больными я велъ себя осмотрительно, на служителей и ихъ дерзости старался поменьше

обращать вниманія — за то каждый день я бралъ у доктора листъ или два писчей бумаги и исписывалъ всю. Мысль, что я великій человѣкъ и что нѣтъ искусства, которое бы мнѣ не далось — все еще не оставляла меня: въ это время я считалъ себя величайшимъ писателемъ, и потому хотѣлъ написать вещь, которая бы интересомъ сюжета, новизной идей и прекраснымъ исполненіемъ удивила бы міръ. Я выбралъ историческій сюжетъ для драмы подъ заглавіемъ: «Муцій Сцевола». Этотъ герой древности почему-то въ особенности поражалъ меня своей высокой и дерзкой идеей и, когда я погружался въ разборъ своей драмы, цѣлый Римскій міръ воскресалъ передо мною и въ моемъ воображеніи, какъ въ муравейникѣ, кишѣли Римляне въ паническомъ страхѣ, а величественный образъ Сцеволы все явственнѣе вырисовывался. Я писалъ весь охваченный вдохновеніемъ и въ докторскомъ столѣ за недѣлю собралась цѣлая кипа исписанной бумаги. Полтора, два часа въ день я посвящалъ своей драмѣ; остальное время проводилъ въ гуляніи и наблюденіяхъ надъ больными, или же писалъ каррикатуры на начальство. Каррикатуры эти зачастую приводили доктора и директора лѣчебницы въ восторгъ. Однажды, помню, я зло подшутилъ надъ нашимъ докторомъ. Я написалъ большую каррикутуру. На первомъ планѣ на стулѣ сидѣла большая крыса и держала въ лапкахъ и зубахъ нѣсколько вѣнковъ. Внизу подписано было: «Слава». Возлѣ нея въ смиренной позѣ стоялъ нашъ докторъ и протягивалъ ей руку съ книгой, на корешкѣ которой виднѣлась надпись «Рибо». Докторъ просилъ крысу подарить ему одинъ вѣнокъ за книгу, но крыса отказывалась, мотивируя отказъ тѣмъ, что книга принадлежитъ извѣстному Рибо, а не доктору. Затѣмъ шла цѣлая облава: вся администрація лѣчебницы, вооружившись кто чѣмъ попало, гналась за крысой, но она все таки успѣла прошмыгнуть съ вѣнкомъ между ногъ у директора и скрыться въ нору. Директоръ съ удрученнымъ видомъ стоялъ, поднявъ большую дубину; внизу значилось: «прогрессъ», а докторъ, разочарованный, смотрѣлъ вслѣдъ крысѣ, хвостикъ кото-

рой еще виднѣлся изъ норы. Директоръ лѣчебницы взялъ каррикутуру себѣ на память.

Послѣ происшествія съ каррикутурой выздоровленіе мое пошло быстрыми шагами: въ двѣ-три недѣли я отрѣшился отъ многого: мои глаза, какъ будто-бы постепенно раскрывались и умъ прояснялся; иллюзіи мало по малу начинали исчезать — ученые и литераторы постепенно превращались въ обыкновенныхъ больныхъ людей. Мысль, что я великій человѣкъ: литераторъ, ученый, изобрѣтатель, артистъ и художникъ — все рѣже и рѣже меня посѣщала, пока, наконецъ, въ одинъ прекрасный день я ясно не созналъ, что всѣ эти идеи происходили отъ того, что я былъ боленъ той опасной душевной болѣзью, которая на медицинскомъ языкѣ называется: «маніей величія». Не разъ мои волосы на головѣ готовы были подняться отъ ужаса, когда я погружался мыслью во все пережитое въ болѣзни. Въ это время я, при каждомъ удобномъ случаѣ, напоминалъ доктору о выпискѣ. Однажды утромъ, онъ сказалъ мнѣ: «пожалуйте за мной» — и повелъ меня наверхъ. По дорогѣ докторъ сказалъ: «Поживите немного еще у насъ наверху, а тамъ, пожалуй, васъ и выпишемъ». Наверху было такое-же устройство комнатъ и такіе-же больные въ халатахъ и колпакахъ, съ той только разницей, что здѣсь находились спокойные больные и совершенно неизлѣчимые или-же находящіеся на испытаніи; къ этой послѣдней категоріи долженъ былъ принадлежать и я. Докторъ провелъ меня по длинному корридору, и мы вошли въ небольшую комнату, гдѣ стояли двѣ кровати и столикъ. Одна кровать была не занята; на другой же сидѣлъ очень благообразный и видный мужчина въ домашнемъ халатѣ; ноги его были обуты въ красивыя персидскія туфли; на видъ ему было за сорокъ лѣтъ. — «Вотъ вамъ сожитель»... обратился къ нему докторъ съ привѣтливой улыбкой. Господинъ очень пріятно осклабился. — «Я очень радъ!» — отвѣчалъ онъ, протягивая мнѣ руку. — «Моя фамилія Лебедевъ». Я назвалъ свою. — «Ну-съ, какъ ваше здоровье?»... обратился къ нему докторъ.

Лебедевъ сдѣлалъ очень кислую гримасу. «Плохо все, докторъ: никакой энергіи — тяжело, скучно, аппетитъ скверный»... — «Хандра, батюшка, хандра... перебилъ его докторъ — вы бы шли шить или на водогачку...» — «Да куда мнѣ?» — съ грустной мишой отвѣчалъ Лебедевъ. — «Ей-богу, вѣрите докторъ, ни малѣйшей охоты нѣтъ; я, какъ автоматъ, сижу, не знаю для чего, гуляю тоже такъ только, лишь бы передвигать ноги». — «А электричество вамъ сегодня дѣлалъ?»... Онъ грустно улыбнулся: «эхъ, это мнѣ электричество ваше... Богъ съ нимъ — оно меня только мучить!» — «Эге, батюшка... да вы совсѣмъ раскисли»... Докторъ съ этими словами быстро подошелъ къ Лебедеву и началъ его щекотать. Лебедевъ смѣялся и кричалъ: «Ой, докторъ, голубчикъ, будетъ... пустите»... Докторъ не унимался и тормозилъ его. — «Да будетъ, ну васъ совсѣмъ, я уже радъ идти на казнь»... Онъ привсталъ съ кровати, взявъ фамилярно доктора подъ руку, и они вышли. Господинъ этотъ своей фізіономіей производилъ довольно пріятное впечатлѣніе: доброе лицо его дышало тихой грустью; сѣрые, немного прищуренные глаза и высокій, красиво очерченный, лобъ выражали умъ. Вообще, по всему онъ обличалъ собою интеллигентнаго человѣка. — «Неужели онъ тоже больной?» подумалъ я, «кажется, ничего такого не замѣтно»... Лебедевъ, какъ оказалось послѣ, былъ дѣйствительно больной — душевно, хотя умъ его оставался вполне нетронутымъ; онъ былъ кандидатъ правъ и года два назадъ, передъ поступленіемъ въ лѣчебницу, занималъ должность мирового судьи; потомъ онъ, вдругъ, неизвѣстно почему, запустилъ дѣла, надѣлалъ много юридическихъ ошибокъ, и пріѣхавшая комиссія должна была отстранить его отъ должности. Онъ совсѣмъ захандрилъ и при томъ у него появилось какое-то органическое разстройство и онъ добровольно поступилъ въ лѣчебницу. Когда я осматривался въ моемъ новомъ помѣщеніи, за спиною у меня, вдругъ, раздался старческій голосъ, не лишенный, впрочемъ, нѣкоторой пріятности и выраженія. — «Позвольте вамъ представиться!» — говорили сзади

меня — «я маіоръ Бутовичъ!»... Я повернулся къ говорившему: передо мною стоялъ высокій, красивый старикъ, сѣдой какъ лунь; его слезливые глаза выражали пріятность и готовность быть полезнымъ; когда то очень стройный и гибкій станъ немного изогнулся, вѣроятно, для приличія. — «Ахъ, очень пріятно» — отвѣчалъ я — «я вотъ теперь у васъ буду жить»... — «А вы давно въ госпиталѣ?»... пренаивно спросилъ меня маіоръ. — «Въ какомъ госпиталѣ?»... удивился я. — «Да вотъ здѣсь... въ военномъ госпиталѣ»... мягко пояснилъ онъ мнѣ. — «А, здѣсь»... я догадался, что имѣю дѣло съ больнымъ. — «Нѣтъ не такъ давно: двѣ-три недѣли». — «Вы въ нашемъ полку служили?» опять спросилъ меня маіоръ. — «Нѣтъ, я двадцать девятаго кievскаго драгунскаго»... Въ это время раздался у двери хохотъ Лебедева. — «Да что это вы къ нему пристали... какой онъ военный?... Вы вѣрно курить хотите?» При этихъ словахъ маіоръ быстро повернулся къ Лебедеву, и вся фізіономія его какъ-то расцвѣла. — «А можно», — проговорилъ онъ заискивающимъ голосомъ, — «просить у васъ папироску?» — «Да сдѣлайте одолженіе — на-те»... Лебедевъ протянулъ маіору папироску и предложилъ сѣсть. Старческіе глаза маіора свѣтились дѣтской радостью; ему, вѣроятно, казалось, что онъ находится въ кругу добрыхъ рубаекъ, «товарищей гусаровъ»; онъ весело посматривалъ на меня и Лебедева подслѣповатыми глазами, съ наслажденіемъ затягиваясь дымомъ папиросы, а потомъ, вдругъ, самымъ изысканнымъ образомъ обратился ко мнѣ: — «А что», — началъ онъ любезно, — «скажите, пожалуйста, кто у насъ сегодня на престолѣ?» — «Александръ III», отвѣчалъ я коротко. — «Александръ III?»... съ изумленіемъ протянулъ маіоръ. — Зрачки его глазъ расширились и онъ нѣкоторое время пристально въ меня всматривался. — «А гдѣ же Александръ II?»... — «Его нѣтъ: Александръ II умеръ». — «Умеръ?»... переспросилъ маіоръ. — «Да... умеръ»... Маіоръ на минуту остолбенѣлъ, потомъ порывисто приподнялся со стула и нѣсколько разъ перекрестился. Лебедевъ, глядя на меня, улыбался и подмигивалъ на маіора. Маіоръ окончилъ

молитву и опять сѣлъ. Глаза его были задумчивы и печальны. — «Ну, и какъ таки вы, маіоръ, не знаете, кто у насъ на престолѣ?... какъ вамъ не стыдно?»... обратился къ нему Лебедевъ. Лицо маіора все болѣе и болѣе начинало выражать удивленіе. «Сами вы военный: служите царю и отечеству», продолжалъ Лебедевъ наставительнымъ тономъ, «а царя своего—вотъ и не знаете»... Лицо маіора приняло строгое выраженіе. — «Вы шутите, вѣроятно, докторъ», началъ было онъ. — «Опять докторъ»... перебилъ его Лебедевъ. — «Да какой я докторъ?... Что это вы, маіоръ, никакъ не можете запомнить, что я не докторъ, а отставной мировой судья Лебедевъ»... Маіоръ немного смутился и пристальнымъ взглядомъ смотрѣлъ на Лебедева. — «А царя своего не знаете»... допекалъ тотъ его. «Ну, кто у насъ на престолѣ?» — «Николай I-ый»... быстро, не моргнувши глазомъ, отвѣтилъ маіоръ. Лебедевъ хохоталъ; я тоже улыбался и теперь уже самъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на маіора. Меня поражало такое отсутствіе памяти: мнѣ захотѣлось припомнить маіору исторію двухъ послѣднихъ царствованій. — «Ну, какъ-же Николай I-й?» — началъ я резонно. «Развѣ вы никогда не слыхали, что Николай I-ый умеръ во время Крымской кампаніи; что его замѣнилъ Александръ II-ой, названный Освободителемъ?... Неужели вы проспали цѣлую эпоху освобожденія крестьянъ?»... Маіоръ широко раскрылъ глаза и, повидимому, слушалъ меня съ большимъ удивленіемъ. — «Значить, у насъ теперь Александръ II-й?» — «Нѣтъ—III-й», — отвѣчалъ я. «Александра II убили». — «Убили?»... Маіоръ приподнялся на стулѣ и недовѣрчиво смотрѣлъ на меня. — «Что вы шутите?»... — «Нѣтъ, нисколько не шучу: Александръ II-й сдѣлался жертвой заговора»... Маіоръ быстро всталъ и въ ужасѣ и удивленно развелъ руками; онъ долго съ какимъ то тупымъ упорствомъ смотрѣлъ на меня, потомъ повернулся къ образу и началъ молиться. Лебедевъ грустно указалъ на него глазами и потомъ началъ меня спрашивать, давно ли я нахожусь въ лѣчебницѣ и скоро ли думаю ее оставить?... Я отвѣчалъ, что не знаю. О своей болѣзни онъ говорилъ, что она выра-

жается въ какой то странной апатіи ко всему, ко всякой дѣятельности; въ отсутствіи всякаго рода интереса къ чему-бы то ни было и многое въ этомъ родѣ. Я, конечно, посовѣтовалъ ему побольше развлекаться и поменьше думать о своей болѣзни. — «Ничего не помогаетъ», — отвѣчалъ мнѣ Лебедевъ, — «я уже все перепробовалъ: тутъ и бібліотека есть, я получаю книги—да все нѣтъ охоты... Вотъ развѣ полежать, побесѣдовать съ маіоромъ»... Онъ указалъ глазами на маіора, который, окончивъ молиться, сидѣлъ, выпрямившись по военному, въ креслѣ и прислушивался къ нашему разговору... «Нѣтъ, ужъ ничего мнѣ вѣрно не поможетъ... такъ вотъ и прошляюсь здѣсь до смерти». — «А вы, докторъ, въ полкъ просились?» замѣтилъ маіоръ. — «Тѣфу!» Лебедевъ хлопнулъ руками и плюнулъ. — «Ну, вы маіоръ невозможны: ну, куда намъ съ вами въ полкъ, когда уже изъ насъ, какъ говорится, порохъ сыпется»... — «Нѣтъ, нѣтъ... загорячился маіоръ. — Я еще думаю послужить; вчера въ госпиталѣ пріѣзжалъ мой отецъ и я съ нимъ бесѣдовалъ; я просилъ его прислать мнѣ денегъ и говорилъ ему объ этомъ»... — «Да, что это вы бредите?» перебилъ его Лебедевъ. — «Какой отецъ?... Вашего отца давно уже нѣтъ въ живыхъ: вѣдь вамъ уже семьдесятъ лѣтъ». — «Ахъ, что вы мнѣ, докторъ, говорите?.... Какъ же нѣтъ въ живыхъ, когда я вчера съ нимъ говорилъ: онъ сидѣлъ вотъ въ этомъ креслѣ»... Лебедевъ безнадежно махнулъ рукой, проговоривъ: «Толкуйте себѣ»... Маіоръ обиженно замолчалъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ попросилъ папироску, закурилъ и задумался, вѣроятно о томъ, далеко ли прошлымъ, когда онъ въ дѣйствительности молодой, красивый офицеръ находился въ госпиталѣ и къ нему пріѣзжалъ отецъ навѣстить баловника-сына. — И не догадывался этотъ бѣдный жалкій старикъ, что тѣ счастливые и лучшіе годы прошли безвозвратно и что не только уже нѣтъ въ живыхъ его богача-отца, но что и самъ онъ скоро сойдетъ въ могилу, всѣми забытый, призрѣваемый на счетъ общественной благотворительности, полусумасшедшій старикъ. Маіоръ докурилъ свою папи-

росу и, пожелавъ намъ доброй ночи, удалился. Онъ пошелъ молодецки, выпрямившись и, повидимому, съ трудомъ передвигая большыя ноги. Уже около получаса зажгли лампы; я вышелъ въ залъ, чтобы осмотрѣть свое новое мѣстожителство. Здѣсь все было также устроено, какъ и внизу, съ той только разницей, что стѣны зала украшались нѣсколькими картинами, хотя большыя чувствовали себя здѣсь гораздо свободнѣе, чѣмъ внизу: послѣ ужина не заставляли немедленно спать; желавшіе походить или посидѣть имѣли въ распоряженіи добрый часъ—особенно же привилегированные, какими считались маіоръ, Лебедевъ, какой-то выздоравливающій студентъ, я и еще нѣсколько лицъ. Намъ разрѣшалось ложиться спать, когда угодно. Когда я расхаживалъ изъ угла въ уголъ залы, ко мнѣ подходилъ высокій совершенно бритый и очень худой господинъ, весь въ поношенномъ черномъ костюмѣ, очень смахивающій на плохого провинціального актера. Окинувъ меня гордымъ взглядомъ съ головы до ногъ, господинъ немного нагнулся ко мнѣ и какимъ то гортаннымъ голосомъ спросилъ: не желаю ли я составить пульку въ преферансъ?... — «Хорошо, быстро» отвѣчалъ я... гдѣ же мы будемъ играть?... — «Да здѣсь же въ залѣ... Вотъ—вы, Лебедевъ, надзиратель и я». Сначала я удивился этому приглашенію, такъ какъ не зналъ, что по вечерамъ послѣ ужина здѣсь устраивался преферансъ при участіи надзирателя. Игра, конечно, велась на мѣлокъ и надзиратель, мимоходомъ, человекъ безъ всякаго образованія и даже малограмотный, но страстный любитель преферанса, всегда принималъ участіе. Зная всѣхъ служащихъ въ лицо, я не зналъ, кто такой господинъ въ черномъ, стоявшій передо мною. Думая, что онъ тоже принадлежитъ къ числу служащихъ, я рѣшился спросить его объ этомъ. — «Позвольте васъ спросить, началъ я, а вы сами кто такой?» Глаза господина съ удивленіемъ и съ нескрываемой ироніей остановились на мнѣ... «А вы и не знаете?» отвѣчалъ онъ съ ѣдкой улыбкой. — «Нѣтъ, не знаю»... «Ха-ха-ха!»... Онъ ѣдко засмѣялся, взглядываясь въ

меня насмѣшливыми глазами. — «Не знаете, кто я?» — повторилъ онъ, и лицо его сдѣлалось строгимъ и серьезнымъ. — «Такъ вотъ спросите»... Онъ указалъ рукою на проходившаго мимо служителя. — «Кто такой этотъ господинъ?» остановилъ я малоросса служителя. — «Опей?»... наивно кивнулъ онъ головою по направленію къ господину. «Цэ—царь!»... отвѣчалъ онъ... — «Какой царь?» изумился я сразу. — «Хиба не знаете лкій... — Дурный»... — «Ахъ, ты скотина!»... Съ этими словами царь подскочилъ къ служителю съ пѣной и рта. — «Да ты знаешь, несчастный, что я сотру тебя съ лица земли»... горячился царь. — «Ну, будэ, будэ, Ваше Величество, то я такъ». Служитель махнулъ рукою и удалился. Царь немного успокоился... Чтобы загладить свою ошибку, я быстро подошелъ къ царю и, вытянувшись во фронтъ, смиренно сказалъ: «Виновать, Ваше Величество. Извините: я не зналъ... я хотѣлъ бы Вамъ послужить и покорнѣйше Васъ прошу принять меня къ себѣ въ адъютанты...» «Какъ много захотѣлъ», отвѣчалъ царь милостиво, «поживите сначала здѣсь, посмотримъ еще, что вы такое, а потомъ дадимъ и службу». Я вѣжливо поклонился. Тутъ явились и партнеры: огромнаго роста, круглолицый надзиратель и Лебедевъ. Мы записали полтысячную пульку и сѣли играть. Царь игралъ очень хорошо и въ игрѣ держалъ себя чрезвычайно просто, такъ что со стороны нельзя было и подумать, что этотъ несчастный, бывший чиновникъ теперь неизлѣчимый идиотъ, находящійся на призрачнѣйшій лѣчебниці. Онъ уже около двадцати лѣтъ живетъ здѣсь, считаетъ себя царемъ всей вселенной; онъ неизлѣчимъ, но и не опасенъ; всплывши, онъ только ругается, не дерется никогда; его любятъ служащіе и дарятъ ему, кто что можетъ, а потому онъ и не носить больничнаго платья. Ходить ему разрѣшается, куда угодно; его никто не спрашиваетъ, гдѣ онъ былъ, и царь всегда аккуратно возвращается къ обѣду, чаю и ужину. Когда онъ идетъ гулять въ городской садъ, то украшаетъ свою грудь фальшивыми орденами, которые вырѣзываетъ изъ разныхъ изда-

ній... Мы сыграли пульку и разошлись спать. Царь выигралъ. Такъ какъ всѣ послѣдующіе за этимъ дни были очень похожи одинъ на другой и, начинаясь обыкновенно чаепитіемъ, бесѣдами съ Лебедевымъ, маіоромъ и другими, заканчивались пулкой въ преферансъ съ обязательнымъ партнеромъ-царемъ, то я и не буду описывать каждаго въ отдѣльности: скажу только, что, спустя полтора мѣсяца со дня перевода моего въ верхній этажъ, однажды утромъ нашъ симпатичный докторъ подошелъ ко мнѣ и объявилъ, что завтра я получаю свободу. Вѣроятно, самые тяжелые преступники не съ большей радостью, чѣмъ я, встрѣчаютъ день своего освобожденія. Какимъ долгимъ казался мнѣ сегодняшний день... Съ какой искренней радостію я провозжалъ каждый часъ, замѣтно приближающій меня къ желанному завтра... Наконецъ оно настало... Я получилъ свою одежду, сердечно попрощался съ больными, докторомъ и прислугой и полной грудью вдохнулъ, наконецъ, за воротами лѣчебницы, того свободнаго воздуха, котораго я такъ жадно желалъ... Въ конторѣ лѣчебницы меня ожидалъ конвертъ съ деньгами на дорогу и письмомъ отъ родныхъ, поздравляющихъ меня съ выздоровленіемъ. Въ тотъ же вечеръ я уѣхалъ домой.

188... 14 Мая. Уже три недѣли, какъ я дома. Со мной произошло что-то непостижимое, невѣроятное: первое время все шло чудесно—да и не удивительно! Кто возвратился изъ міра заживо-погребенныхъ въ міръ живыхъ, да еще и съ обновленной душой, готовой воспринять въ себя всю вселенную,—долженъ чувствовать себя счастливымъ. Однако счастье это было слишкомъ непродолжительно: почти, вдругъ, оборвались у меня всѣ струны души... Какъ выразить мои чувства или, правильнѣе, мое полное безчувствіе?... Представьте себѣ человѣческую руку: сильную, здоровую, эпергичную руку и, вдругъ, какое то пораженіе, невидимое... тамъ гдѣ то—въ мускулахъ, въ нервахъ... Во внѣшности ея ничего не измѣнилось: будто и рука та же и

желаніе ея владѣть то же, да силы прежней нѣтъ, какъ въ воду канула... Такъ вотъ и со мной, какъ будто и ничего нѣтъ: понимаю я все прекрасно и желалъ бы жить, трудиться, быть дѣятельнымъ, но какъ я ни стараюсь вызвать свою угасшую энергію, ничего не выходитъ... И гдѣ она?... Куда все это сразу исчезло?... Нѣтъ этого дивнаго подъема духа, бодрости, вѣры въ себя... Ужасно...

18-ое Мая. Меня начинаютъ стѣснять всѣ окружающіе: я бы спрятался отъ нихъ куданибудь въ темный далекій уголъ и сидѣлъ... сидѣлъ бы тамъ, пока не пришла смерть... и не унесла меня... Да развѣ я теперь не мертвый?... Я положительно мертвецъ съ раскрытыми стеклянными глазами, въ которыхъ отражается кипящая кругомъ жизнь. Во мнѣ происходитъ одинъ только процессъ жизни растительной, и я уподобился одному изъ низшихъ животныхъ, у котораго не существуетъ никакихъ душевныхъ побужденій, кромѣ чувства самосохраненія, заставляющаго его прискивать себѣ пищу. Пока не случилось со мной этого ужаснаго состоянія, я обладалъ всѣмъ необходимымъ для богатой психической жизни и, слѣдовательно, не былъ лишенъ всѣхъ наслажденій, связанныхъ съ ней. Нѣтъ, полнѣйшее небытіе лучше такого жалкаго бытія. Когда пройдетъ это ледяное оцѣпененіе?... Да и пройдетъ ли оно?...

21-е Мая. Могъ ли я когданибудь допустить, что мой гордый свободный умъ будетъ такъ оскорбленъ и что я дойду до такого глупаго и унижительнаго состоянія... Я совсѣмъ не говорю; кратко отвѣчаю только на вопросы, которые мнѣ предлагаютъ... Да и о чемъ мнѣ говорить съ живыми людьми? У нихъ свои цѣли. Своя жизнь... Они думаютъ и волнуются; ихъ мозгъ такъ или иначе раздражается текущей жизнью и каждый изъ нихъ по своему реагируетъ. У меня никакой реакции: если бы самая чудная женщина въ мірѣ предложила мнѣ свою любовь... я бы отказался... Нѣтъ, больше: я бы убѣжалъ... Гора червонцевъ не заставила бы меня нагнуться, чтобы захватить себѣ горсть... Да и на что они мнѣ... за деньги можно купить ча-

стицу наслаждений... но вѣдь наслаждаться можетъ только живой человѣкъ... Мертвымъ ничего не нужно.

28 Мая. Я купилъ себѣ револьверъ. Для чего?... Для того, чтобы покончить эту унижительную роль... Родные мои, замѣтивъ мое настроеніе, совѣтуютъ мнѣ развлекаться: они говорятъ, что я теперь уже, благодаря Бога, выздоровѣлъ и что грустить мнѣ не о чемъ. Хорошо выздоровленіе. Я-бы желалъ еще тридцать разъ пережить все испытанное въ болѣзни, чѣмъ просуществовать одинъ только день этой несносной жизнью...

5 Июня. Крѣпилось, не знаю для чего... Въ моемъ положеніи ничто не измѣнилось... Употребляю всевозможныя усилія, чтобы уничтожить свою ужасную апатію: сегодня, послѣ долгихъ колебаній, зашелъ въ общественную библіотеку—и удивительное дѣло... даже литература, которая всегда такъ сильно меня интересовала, сейчасъ не представляетъ ровно никакого интереса... Тамъ все о жизни.

8 Июня. Въ какой степени, однако, измѣнились мои чувства: вчера умеръ мой близкій родственникъ, котораго я раньше очень любилъ; смерть его не произвела на меня никакого впечатлѣнія... Меня чуть ли ни силой потянули на похороны, гдѣ я стоялъ положительно истуканомъ и думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣе уйти подальше отъ всѣхъ... Нѣтъ, продолжать такъ дольше невозможно!...

Этой фразой заканчивался дневникъ. Моему несчастному молодому родственнику не удалось поставить въ немъ точки. Точку эту поставила револьверная пуля, которая сдѣлала въ головѣ его большое отверстіе, изъ котораго, на подобіе виноградной кисти, выползъ изстрадавшійся мозгъ. Я узналъ еще, что послѣ выстрѣла онъ пробылъ нѣсколько часовъ въ мучительнѣйшей агоніи.

Карлъ Эйзерманъ.